

Удар в сердце (сборник)

Автор:

Николай Свечин

Удар в сердце (сборник)

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #13

Сборник состоит из шести рассказов, действие одного из которых происходит в Москве в 1899 году. Идет очередная денежная реформа. Старые купюры меняют на новые, но при утилизации банкнот случайно обнаруживается целый мешок подделок. Известно, что фальшивки пришли из частного банка, и есть подозрение, что кто-то из его руководства замешан в преступлении.

Официальное расследование может спугнуть преступников, поэтому за дело берется надворный советник Алексей Лыков. Он внедряет в штат банка своего подчиненного Юрия Велевачева, однако командировка оказывается опаснее, чем он думал...

Николай Свечин

Удар в сердце (сборник)

© Свечин Н., текст, 2015

© Асадчева Е., иллюстрации, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Удар в сердце

10 апреля 1877 года выдалось пасмурным. Вольноопределяющийся второго разряда Алексей Лыков замер в шеренге Александропольского пехотного полка. Рядом стояли другие части. На поляне у Эскадских высот выстроился в огромное каре весь Рионский отряд. Двадцать четыре тысячи штыков и сабель! Основу составляли пехотные полки Кавказского корпуса: Севастопольский, Кубанский, Закатальский, Ленкоранский и лыковский Александропольский. Их усиливали Первый и Второй Кавказские стрелковые батальоны, четыре пешие сотни пластунского батальона, Второй Ейский казачий полк, а также саперы и артиллеристы. Значительную часть отряда составляли местные добровольцы. Грузинские, Кутаисские и Гурийские пешие дружины (по две от каждой области, а всего шесть) дополнял Кутаисский конный иррегулярный полк. Все эти силы должны были завтра перейти турецкую границу и начать войну.

Лыков прибыл в действующую армию неделю назад. Переболев в детстве пневмонией, он пропустил год и гимназию потому окончил поздно. Недоучившийся школяр вызвался воевать добровольцем. Экзамены пришлось сдавать экстерном. За большинство дисциплин Алексею поставили хорошие отметки справедливо – парень шел одним из лучших в классе. Вот за древние языки дали высокий балл зря. Пожалели юного героя или оценили патриотизм. А может, команда такая спустилась с верхов – ходили слухи. Девятнадцатилетних юношей брали неохотно[1 - Воинская повинность начиналась с 21 года, но в вольноопределяющиеся брали с 17 лет. (Здесь и далее примеч. автора.)]. Лыкову-старшему пришлось идти к губернскому воинскому начальнику, хлопотать за сына. Взяли, хоть и покачали головой. Мать проплакала все глаза, а мужа чуть не прокляла... Но сын оказался настойчив, с ним ничего нельзя было поделаться, и она смирилась. Ладно хоть на Кавказ послали, где турок поменьше и война должна быть пожиже...

Ноги у Алексея еще болели. Это с непривычки – руки-то он уже хорошо развил. Сойдя на станции Самтредиа Потти-Тифлисской железной дороги, пополнения двинулись к Озургетам. Семьдесят верст по горному шоссе шли двое суток. Маленький уездный городок Кутаисской губернии встретил героев нудным дождиком. Неопытный Лыков натер себе портянками волдыри еще в первый день. Пришлось садиться на патронную двуколку под насмешки товарищей. Вольноопределяющиеся второго разряда в армии на особом учете. Полное

среднее образование – не хухры-мухры! Тут два пути. Либо тебя втолкнут в канцелярию, поскольку грамотные люди нужны позарез. Либо, если есть способности, быстро поднимут в унтер-офицеры. А там и до прапорщика «за отличие» недалеко. Поэтому и фельдфебели, и даже поручики говорят вольнопёрам «вы». Зато солдаты ровней не считают и на всякий случай сторонятся.

Выручил парня ефрейтор Голунов из восьмого отделения. Он смазал ноги Лыкова какой-то пахучей дрянью и переложил подорожником. А сверху замотал портянки, как положено. И Алексей смог снова идти. После этого нижегородец выделял рослого красивого кубанца. То, что он из кубанских казаков, ефрейтор рассказал сам. Бывший пластун перевелся из военного сословия в крестьяне по какой-то личной причине. Но, когда объявили мобилизацию, тоже вызвался добровольцем. Рукастый, ловкий и очень спокойный, Голунов пользовался общим уважением. Вся рота обращалась к нему по имени-отчеству: Калина Аггеевич. Ясно было, что в ефрейторах кубанцу сидеть недолго... Характерно, что Голунов пришел с полным снаряжением, как и полагается казакам по арматурному списку. Поэтому за поясом у вчерашнего крестьянина виднелась нагайка, а в ранце лежал горский костюм.

Алексея начальство тоже выделило. На первых же учениях он сумел отличиться. В русском пехотном батальоне пять рот: четыре линейных и одна стрелковая. Лыков попал в линейную и огорчился – хотелось пострелять. Да и винтовки в пятой роте были системы Крнка, а у линейцев – Карле. И там и там патроны бумажные, но Крнка лучше и дальность боя у нее выше. Согласно тактике, впереди батальона идет стрелковая цепь. Но от каждой линейной роты выделяется полувзвод, и эти команды составляют вторую цепь – для усиления первой. Вольнопёр попал туда. Остальные солдаты батальона атакуют взводными колоннами, отступая от стрелков на сто двадцать саженей. В цепи боевой единицей считается звено из четырех человек. Лыков оказался в нем самым образованным и был назначен старшим. Вот и повышение! Поручик Агафонов-второй, командир их полуроты, похвалил нижегородца за сообразительность: тот перебегал, как полагается по уставу, вовремя падал и вовремя вставал. И при этом успевал подгонять других. Если так же будет в бою, сказал поручик, можете и капральство получить. А это уже младший унтер-офицер! Алексей сначала загордился, а потом смутился. Кто знает, как будет в бою? Вдруг, попав под огонь, он наделает в штаны? Думать об этом не хотелось, но мысли о бое не отгонишь. Ведь скоро война. Там убивают. Хватит ли духу, или вольнопёр опозорится? Отец его – кавалер Владимирского креста с мечами и бантом; а вот кем окажется сын?

Алексей стоял в каре и волновался. В центре толпились полковые командиры. Среди них выделялся седой полковник с большими усами и Георгием на мундире. Это был князь Абашидзе, командир 161-го Александропольского полка, старый кавказец и известный храбрец. А особняком на коне гарцевал командир всего Рионского отряда генерал-лейтенант Оклобжио. Его тонкое нервное лицо дергалось, короткая борода всклокочена... Серб по рождению, перешедший на русскую службу, он тридцать лет отвоевал здесь же, на Кавказе, и имел высокую боевую репутацию. Поручик Агафонов рассказывал, что Оклобжио окончил в молодости университет в Падуе, чуть ли не юридический факультет. Но снял ученую мантию и ушел в военные. Эко жизнь выворачивает...

Оклобжио дернул повод и выехал в центр каре.

Раздалась команда:

– Глаза... на средину!

Все разговоры сразу стихли. Стало слышно, как в воздухе звенят комары, а далеко в городе пиликает скрипка.

– Братцы!

Огромный прямоугольник замер. Люди напрягли слух, каждый волновался и пытался скрыть это от соседей.

– Завтра мы идем грудью на врага. Вы дали присягу. Долг есть долг, русскому солдату об этом напоминать не надо. Но есть то, что требуется сверх долга. Нам нужны охотники. Для начала двести человек. Вот туда уже каждый идет сам, по своей воле. Туда приказом не назначают. Решайте.

Отряд стоял и слушал. Генерал шумно вдохнул, и стало ясно, что он тоже волнуется.

– Охотники – это особые люди, – продолжил Оклобжио. – Тот, кто выйдет сейчас из строя и поступит в команду, должен знать о себе всю правду. А правда такая: никто из охотников не вернется домой.

Алексей поразился. Что несет этот седобородый человек? Выйдешь из строя – и неизбежно покойник? Как можно так говорить? Кто согласится стать смертником? Но люди слушали внимательно и серьезно. Взрослые мужики, в большинстве своем крестьяне, только нахмурились. И никто не побледнел.

– Ребята! Повторю: охотники дома не увидят. Все они полягут здесь, в этих диких горах. Так должен думать каждый. Иначе он не сможет исполнить приказа. Ведь самые трудные приказы получают именно они! Лишь тот, кто не боится смерти, кто умер уже для мирских дел и сделался настоящий солдат, смело пойдет на пули. Такова высшая честь для охотника: атаковать в первых рядах и первым умереть. Высшая воинская честь. И потому...

Голос генерал-лейтенанта дрогнул, но он взял себя в руки.

– И потому говорю: подумайте хорошенько! Вы отрезаете себя от надежды, поймите! Вы смертники. Самые трудные и опасные дела поручат вам. Такие, где возможности нет уцелеть. Разведки в тылу врага, захват пленных, охрана наших позиций, уничтожение турецких секретов, штурм высот. Это доверяют лишь охотникам. И потери у них самые большие всегда. А награды как у всех, увы. Там не за кресты голову кладут. А за Веру, Царя и Отечество. Выбирайте, ребята. Решайте прямо сейчас. Кто вперед шагнул, себе уже не принадлежит.

Многотысячная людская масса молчала. То ли обдумывали услышанное, то ли ждали приказа... И приказ поступил.

– Внимание! – фальцетом крикнул генерал. – Кто желает стать охотником... два шага вперед... марш!

Несколько томительно длинных секунд все стояли без движения. Лыков уже решил для себя, что в охотники не пойдет. Как это он может не вернуться? А мать? А больной отец? Конечно, вызываясь на войну, Алексей понимал, что может погибнуть. Но есть и шансы уцелеть! Прийти домой, обнять родных. К неизбежной смерти, выбранной по своей воле, Алексей был не готов. И, немного малодушно, ему сейчас очень захотелось, чтобы вперед вышли немногие. А таких, как он, оказалось большинство. Но тут секунды раздумий прошли, и каре зашевелилось.

Лыков стоял и смотрел, как люди выбирают для себя смерть. Было жутко, и при этом любопытно. За тем и шел на войну молодой парень, чтобы увидеть жизнь в высших ее проявлениях. Когда на кону твоя голова... И хотя война еще не началась, а выбор уже надо делать. И солдаты его сделали.

Вся лампасная пехота[2 - Лампасная пехота – пластуны, пешие казачьи части.], как один человек, дружно шагнула вперед. Четыреста пятьдесят разных характеров – и полное единодушие! То же самое сделали стрелковые батальоны, ейские казаки, кутаисские милиционеры, грузинские и гурийские добровольцы.

Пехотные полки поступили иначе. Хотя они давно воевали на Кавказе, имели славные традиции и числили в своих рядах множество храбрецов, шагнули вперед не все. В 164-м Закатальском, например, приблизительно две трети. А в 161-м Александропольском, на глазок, неизбежную смерть выбрали меньше половины.

Алексей с облегчением увидел, что на левом фланге каре из строя не вышел никто. И тут же устыдился. Вспомнил, что там стоят специальные части: понтонеры, саперы и отделение военно-полевого телеграфа. Кто же их отпустит в охотники? Не для того готовили много лет! Этим отборным людям путь в смертники заказан.

Вдруг Лыков заметил, что два шага вперед сделал его сосед по строю. Вольноопределяющийся Михаил Бельский пошел воевать добровольцем из студентов. Старше Алексея на два года и много опытнее, он опекал бывшего гимназиста. Михаил пытался попасть еще на Сербскую войну, но добрался лишь до Бухареста. К тому времени сербов уже побили, и румыны не пускали туда русских добровольцев. Бельский проторчал в румынской столице полтора месяца, истратил все деньги и подхватил дурную болезнь. Этим его боевые подвиги исчерпались. Однако в Москве студент прослыл героем. Видимо, учиться ему не хотелось. Чуть только снова запахло порохом, он сразу бросил университет и записался в армию. За две недели знакомства Лыков и Бельский стали приятелями, и вот! Михаил готов погибнуть за правое дело. А он, трусливый мальчишка, нет? Алексей рассердился на себя. Точнее, сначала ему стало стыдно, а уже потом он осерчал. И собрался, пусть с запозданием, шагнуть вперед. Но тут кто-то сзади положил ему руку на плечо.

Вольноопределяющийся резко обернулся – и опешил. Перед ним стоял флигель-адъютант подполковник Териев, командир их первого батальона. Легендарной

храбрости человек, кавалер четырех солдатских Георгиевских крестов и одного офицерского! Вся жизнь его прошла на войне с горцами. Из рядовых отчаянный вояка дослужился до штаб-офицера. А флигель-адъютантский аксельбант получил за покорение черкесов. Териев был знаменит той храбростью, которую солдаты почитают выше всех других, – спокойной и непоказной. Подполковник не терпел лишней крови, ни своей, ни вражеской. Осторожный и расчетливый, он побеждал умом и опытом. Лишь только если это было неизбежно, батальонер посылал людей на смерть. При этом всегда шел рядом с ними, а солдаты жались к своему командиру. Они были уверены, что Териев заговоренный и пули его обходят. И вот этот удивительный человек удержал его, Лыкова, от шага вперед!

Подполковник строго смотрел на Алексея восточными карими глазами. Потом сказал вполголоса:

– Не спеши, сначала подумай.

– Но там...

– Ну и что? Запомни: никогда не торопись с такими важными вещами. Не спеши умереть. Навоюешься еще.

– Ваше высокоблагородие, но они не испугались! Чем же я хуже их?

– Ничем. Ты еще себя покажешь. Я вижу, я много знавал храбрецов. Тебе просто нужно время.

– Но...

– Не суетись и никого не стесняйся.

Подполковник кивнул и ушел вдоль строя. Когда Алексей повернулся к центру каре, было уже поздно. Всех желающих собрали внутри. Они выстроились в очередь к писарям, и те составляли списки. Генерал Оклобжио просил двести охотников, а вперед вышли более тысячи. Лишних вносили в состав резерва, чтобы потом заместить выбывших. Тем, кто остался в строю, велели сдвинуть ряды. Через час ожидания каре было распущено, солдат повели обедать.

Бельский вернулся в роту возбужденным. Его распирало неприятное Лыкову чувство самодовольства. Тон, которым студент обратился к своему приятелю, стал вдруг покровительственным... Да и другим он сказал в глаза: «Уйду я от вас, картузники!»[З - Картузники – уничижительное прозвище линейной пехоты.] Алексей замкнулся. Хотел передать слова батальонного командира, но передумал. Вышло бы, что он оправдывается! Михаил в охотники не попал, желающих хватило и без него. Но его записали в резерв и велели быть наготове. Убыль у охотников повышенная. Как только начнутся бои, появятся и вакансии.

Вечером пришел Голунов. Он был в черкеске с малиновыми пластунскими пробками в напатронниках и с берданой на плече. За поясом виднелась опойковая нагайка. Ефрейтор сказал что-то на ухо отделенному и стал собирать вещи. Алексей подошел, но спросить не решился. Калина Аггеевич заговорил сам. Он объяснил, что зачислен в охотничью команду левой колонны. Лыков ничего не знал про колонны, и ефрейтор прочел ему целую лекцию. Оказалось, что из Рионского отряда выделен Гурийский отряд с задачей охраны тыла и побережья в сторону Сухума. В него вошли, в частности, второй и третий батальоны их 161-го полка. А то, что осталось для атакующих действий, разбито на три колонны. Два других Александропольских батальона при поддержке казачьей сотни составили правую колонну, самую слабую. Их полоса действий – непосредственно вдоль моря. Но там ничего важного произойти не может. У турок сильный флот, а мы вследствие крымской катастрофы лишены права иметь на Черном море военные корабли. И в случае нашей атаки приплывут османские броненосцы и разнесут все к чертям. Задача колонны, таким образом, разведка и демонстрация. Это неинтересно.

Вторая колонна тоже слабовата. В нее включили три батальона 163-го Ленкоранского полка, Первую Грузинскую пешую дружину и кутаисских милиционеров. Зато там много артиллерии. 32 орудия встанут посреди фронта, чтобы огневым маневром поддерживать оба фланга. Задача колонны, судя по всему, помогать главным силам и охранять артиллерийский кулак.

Самая мощная колонна – та, куда перевелся Голунов. Пластуны, стрелки, саперы, батальон ленкоранцев, весь Закатальский полк, пешие гурийцы, две сотни кутаисцев и две батареи – все это говорит само за себя. Главный удар будет наноситься с левого фланга. Подальше от моря, поближе к горам. Охотничья команда левой колонны самая многочисленная, людей туда отбирает лично Оклобжио по рекомендациям полковых командиров.

Алексей выслушал ефрейтора и окончательно закручинился. Тот уходит в другую часть, Бельский загордился, а завтра в бой. Он же струсил выйти из строя... Нижегородец рассказал Калине Аггеевичу о своем разговоре с Териевым. Голунов сразу одобрил слова подполковника.

– Вот настоящий солдат! – заявил он. – Ему ли не знать цену храбрости? Соглашусь с ним: не торопись помереть! Еще навоюешься. Какая, по-твоему, самая верная линия поведения?

– Какая?

– На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся. Так и поступай всегда!

– Но ты же пошел в охотники!

– Мне можно.

– А мне почему нельзя?

– Потому что молодой. Пообтешись немного, хватит на тебя войны.

– А Бельский? Он храбрее меня, выходит?

– Это надо в бою смотреть, – серьезно ответил Голунов. – А так не поймешь. Ну, бывай!

Он протянул вольноопределяющемуся крепкую руку:

– Будет время – заходи.

И исчез в сумерках бесшумным пластунским шагом.

После ужина унтер-офицеры раздали огнеприпасы, по 182 патрона на человека. Патроны были бумажные, и их велели не мочить. При переходе через горные реки надлежало нести подсумки и сухарный мешок с зарядами над головой.

Роты изготовились к ночному маршу. Двух полковых собак привязали на поводки. Одну звали Мухтарка, в честь Мухтар-паши, командующего Анатолийской армией, а вторую – Дервишка, по имени Дервиш-паши, командира Батумского корпуса турок. Штыки велели убрать, чтобы не заколоть товарищей. Второй и третий батальоны двинулись в Озургеты, в Гурийский вспомогательный отряд. А первый и четвертый в походной колонне ровно в полночь вышли из Эскадского укрепленного лагеря. В кромешной тьме они долго пробирались по узкой дороге к границе. Дороги – больное место Приморского театра войны. Их здесь почти нет. Есть лишь аробно-вьючные, просто вьючные и пешие. Зимой, когда льют бесконечные дожди, жизнь в горах замирает. Даже пешком никуда не дойдешь. И как воевать?

В два часа ночи впереди захлупало множество сапог. Бранясь, солдаты спускались в топкую низину, по дну которой стремительно неслась горная река. Чолок! На правом берегу уже Турецкая Гурия! Александропольцы смело вошли в стремнину. Взводные командиры приказали поотделенно взяться за руки. А как же огнеприпасы? Их надо поднять над головой! Вода дошла уже до колен, потом до пояса. Сильное течение норовило сбить с ног. Лыковское звено – четыре человека – шло в обнимку. Посреди реки, в самом глубоком месте, правого солдатика повалило; за ним стал падать и сосед. Бросив сухарную сумку болтаться на плече, Алексей схватил обоих товарищей в охапку. И буквально выдернул из водоворота. Шагнув вперед, почувствовал, что твердо стоит на ногах. Еще бы – он стал втрое тяжелее! Так Лыков и вышел на тихое место, держа звеньевых под мышки... С левого берега поручик Агафонов одобрительно прошептал:

– Ай да сила! Молодец, Лыков! А теперь вперед, вперед!

Длинная цепь мокрых, озябших пехотинцев стала взбираться на высокий берег Чолока. Вот и турецкий пост! Дрожащими руками – то ли от холода, то ли от страха – вольноопределяющийся передернул затвор винтовки. Сейчас начнется... Но рота никого не обнаружила. Три или четыре строения были пусты, окопы слабого профиля – тоже. Турки не приняли боя и ушли.

Вдруг впереди, саженьях в ста, раздались выстрелы. Началось! Александропольцы побежали на шум боя. Лыков ощутил новое, не испытанное ранее чувство: восторг и ужас одновременно. Вынести его оказалось нелегко. Хотелось чего-то резкого, даже страшного, лишь бы случилось поскорее. Пусть опасность или смерть, но не этот пугающий восторг... Но стрельба быстро

прекратилась. На поляне лежало несколько тел в незнакомых куртках, вокруг них толпились линейцы. Из темноты выскочил батальонный командир, осветил спичкой.

– Турки, из редифа[4 - Редиф – турецкие запасные части.]. Сторожевое охранение. У нас потери имеются?

– Так точно, господин подполковник, – ответил поручик второй полуроты. – Убит солдат в головном взводе. Разрешите преследовать дальше?

Териев наклонился над мертвым солдатом:

– Первый уже есть...

Стало тихо, и Лыков обнаружил, что от его восторга ничего не осталось. Вот тебе война, вот кровь, невидимая на мокрой траве...

– Вперед, братцы! – скомандовал батальонер. – Не бойтесь ничего! За Богом молитва, а за царем служба не пропадают!

Когда рассвело, батальон оказался в западне огромного векового леса. Три тропы перекрещивались в самой чаще. Две из них шли на восток, к морю, еще одна вела к горам. А войскам требовалось на юг, к Кобулету. Лес оказался непроходимым даже для пехоты. Лианы и какой-то невиданный колючий кустарник затрудняли движение, люди выбились из сил. В голове колонны состоялось совещание начальства. Незнакомый капитан с аксельбантом Генерального штаба шуршал картой, поворачивая ее то так, то эдак. Командир полка князь Абашидзе, подполковник Териев и командир четвертого батальона мрачнели на глазах. Наконец полковник подозвал Агафонова и приказал:

– Отправьте несколько солдат на поиск тропы. Кого-нибудь посмышленее.

– Есть, ваше сиятельство!

Поручик созвал унтер-офицеров, и уже через полминуты раздалось:

– Лыков, Иванов, Тахвердов, ко мне бегом!

Алексей подбежал первым, вытянулся. Полуротный сказал, глядя ему прямо в глаза:

– Вы доброволец, с вас особый спрос.

– Слушаю, ваше благородие!

Рядом встали два старослужащих из их четвертого взвода.

– Надо сыскать тропу на юг. Карта говорит, что она есть. А найти не можем! Под угрозой выполнение боевой задачи. Понятно?

– Так точно!

– Расходитесь веером, расстояние держите в пятьдесят саженей. Кто первый найдет тропу – пусть стреляет. Вопросы есть?

– Есть, ваше благородие, – сказал Иванов, степенный дядька из вологодских. – Нам бы кинжалы... Без них не пройдем, ей-бо! Вон какая колючка.

– Кинжалов нет, можем дать офицерские сабли, – ответил поручик.

Иванов только вздохнул.

– У гурийской дружины надо попросить, – подсказал Тахвердов.

Теперь настала очередь вздыхать полуротного.

– Гурийцы идут сзади в двух верстах. Времени нет их ждать.

Лыков молча козырнул и шагнул в чащобу. Первый же аршин дался ему с большим усилием. С изумлением он обнаружил, что не знает ни одного дерева из окружавших его. Самые высокие вроде бы орех... Светлые стволы – это, кажется, граб. А вон там вообще пальмы, как в книжке про Робинзона Крузо... Густой обильный подлесок затруднял видимость и очень мешал ходьбе. А хуже всего – колючка, цеплявшаяся за одежду при каждом шаге. Алексей пытался

уворачиваться, подныривать под ветки, но все равно попадал на шипы. Он прошел так сто шагов и вдруг оказался на широкой тропе. Обрадованный, передернул затвор и бабахнул в невидимое отсюда небо. Затрещали за спиной ветки, затопали сотни сапог, и голова колонны выскочила из кустарника.

– Молодец, вольноопределяющийся, – сказал, задыхаясь, князь Абашидзе. – То, что надо.

Тропа вела на юг. В сторожевое охранение выдвинули пластунов, и отряд быстро зашагал вперед. Алексей вернулся в роту и первым делом перезарядился. Оказалось, что оба подсумка у него намокли, пока он вытаскивал из водоворота своих соседей. Низ сухарной сумки тоже черпнул воды. Тогда вольноопределяющийся бесцеремонно отобрал у товарищей по одному подсумку, отдав взамен промокшие. Те не противились. Понимали, что он их выручил, а может, сила парня произвела впечатление... Заимев сухие огнеприпасы, Лыков повеселел – он жаждал боя.

Но бой все отодвигался. В густом лесу мелькали тени, трещали сучья под чьими-то ногами. Уже совсем рассвело, а противник не показывался. Вчерашний гимназист устал и начал клевать носом. Вдруг он вспомнил лицо убитого солдата на берегу ручья. Это же Никитин из второго взвода! Познакомились они на марше в Озургеты. Никитин был старослужащий, независимый и с гонором. С фельдфебелем он здоровался за руку, а молодые солдаты подносили ему воду для умывания. Когда Алексей натер себе ноги и не смог идти, Никитин посмеялся над ним особенно зло. Назвал барчуком и белой костью. А ведь знал, что вольноопределяющийся из потомственных дворян! Лыков не столько обиделся, сколько удивился. Он никому не сделал зла, не требовал к себе особого отношения. И вдруг... Однако Никитина это мало интересовало. Он захотел посмеяться и посмеялся. А теперь лежит мертвый. А скоро, может быть, и другие полягут. И он, Лыков, в их числе...

От такой мысли желание сражаться у Алексея вмиг улетучилось. Как уж там? На службу не напрашивайся! Что будет, то будет, не надо провоцировать судьбу.

Тут к Лыкову подошел поручик Агафонов. Он похвалил за быстро отысканную тропу и рассказал общую обстановку. Два батальона их полка пробираются через Осендальский лес. Коническая вершина, что мелькает иногда справа, – это Джиганджири. Задача отряда – выйти к реке Очхамури левее местечка Легва и там закрепиться. Штабные умники, как всегда, недооценили местность. Гладко

было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Хуже всего справа, там, где за лесом шумит прибой. Только что пришел посыльный из бокового охранения. У берега крейсируют два турецких броненосца. Поэтому идти по единственной настоящей здесь дороге, песчаной, удобной, – нельзя. Расстреляют с моря. И закрепиться по берегу Очхамури будет сложно. Судя по карте, местность там голая, болота и кое-где камни. Пушки броненосцев достанут и дотуда. Их колонна всех ближе к морю, и потому наиболее уязвима для огня корабельной артиллерии. Центральная и левая колонны как бы прикрылись александропольцами. Значит, атаковать придется быстро, ибо лишь в скорости их спасение.

– А что атаковать? – отважился спросить у офицера вольноопределяющийся. Однако тот не оскорбился и объяснил. За рекой вытянулись от гор к морю высоты со смешным названием Муха-Эстаде. Там у турок должна быть позиция. Точных данных о ней нет, разведка пока поставлена плохо. Но на пути к Батуму это первый естественный рубеж. Глупо надеяться, что турки им не воспользуются. На этих высотах, скорее всего, и предстоит отряду принять первый настоящий бой. И турки на смешной позиции Муха могут хорошо посмеяться над русскими... Пехота и артиллерия будут бить их с гребня, а корабли – с моря. И если атака захлебнется, роты начнут топтаться на месте – беда. Их загонят обратно в лес с большими потерями. Боевой дух войск зависит от исхода первого сражения. Оплошать нельзя.

Еще через час они вышли на опушку и увидели вдалеке цепь пологих лесистых холмов. Муха-Эстаде! До высот на глаз три версты, но идти придется по равнине. Справа переливалось серыми блестками море, и на нем чернели две точки. Броненосцы!

Александропольцы просидели в кустах долго. Начальство смыкало фланги, подтягивало артиллерию, потом последовала команда развести костры и пообедать. Застучали топоры. Отделенный командир куда-то сходил и принес большую банку консервов: тушеная картошка с бараньим салом. Линейцы повеселели. Они наелись горячего, запили кипятком с сухарями и развалились на шинелях отдыхать. Ожидание боя, к удивлению Лыкова, не было мучительно-томительным. Солдаты вынули карты и весело били друг другу щелбаны. Никто не сидел с бледным лицом и не молился... Но когда рядовой Брешалов выругался по матери, к нему подошел старослужащий и дал сильную затрещину. В назидание сказал:

– Тебе, может, через час перед Вышним престолом стоять! Не оскверняй.

Все посерьезнели, ненадолго затихли, но вскоре опять вернулись к картишкам. Однако за словами уже следили.

Вдруг сверху что-то засвистело, словно баловался Соловей-разбойник. Лыков задрал голову, но ничего не увидел. Свист быстро сменился шипением, а затем резким неприятным треском. В небе над опушкой раскрылись два огромных дымных цветка. Сучья в лесу принялись ломаться, как от урагана. Что-то тяжело зашлепало вокруг, будто град... И лишь через секунду Алексей догадался, что их обстреляли шрапнелью. Разрывы стаканов ударили левее, далеко от их взвода. Даже не было страшно. Батальоны затушили костры, чтобы не давать броненосцам ориентиров. Но те и сами решили не переводить снаряды зря и больше не стреляли.

Около полудня вперед пошли охотники. Они рассыпались в жидкую цепь. Сначала солдаты перебегали от валуна к валуну, от дерева к дереву. Но никто по ним не стрелял, и они осмелели. Довольно быстро цепь прошла две трети поляны, и тогда высоты сразу окутались черным пороховым дымом. Турки с гребня Муха-Эстаде открыли густой ружейно-артиллерийский огонь. Броненосцы молчали, ждали атаки главных сил. Охотники залегли. Опять подошел полуротный и стал объяснять:

– Там река и высокий левый берег. Люди должны выяснить броды, тропы и проходы в скалах. Где пушки стоят, где пехота гуще, а где меньше... Сегодня атаки уже не будет, охотники едва успеют провести разведку.

– Мы ночуем здесь? – догадался Лыков.

– Да. Ростом Николаевич[5 - Полковой командир князь Абашидзе.] нас пока не собирал, но по уму... Вечером, когда охотники вернутся, составят диспозицию боя. Утром будем атаковать. А сегодня больше не бойтесь, Лыков! Для вас ничего опасного уже не случится.

Поручик ушел, а вольноопределяющийся задумался. Больше не бойтесь... Значит, заметно, что он мандражирует? Ну, заметно. Что ж теперь? Первый бой. Все боятся. Особенно когда тебе и двадцати лет еще не стукнуло!

За дальностью перестрелка охотников с турками выглядела неинтересной, и Алексей перестал за ней наблюдать. Остаток дня действительно прошел без событий. Раз только вылез на поляну отряд Гурийской пешей дружины и попытался продвинуться к реке. Броненосцы тут же повесили над храбрецами полдюжины шрапнелей, и те убрались обратно в лес. Правильно: три версты голого пространства лучше преодолеть утром. Глядишь, туман прикроет! Подивившись, какой он умный, вольнопёр лег спать. Прежде чем уснуть, прислушался к себе. Страх не было, было опасение. Вялое, нудное, как зудение комара, и такое же неотвязное. Но того страха, который Лыков боялся обнаружить в себе, он не чувствовал. Когда дрожат руки, подгибаются ноги, а зубы выстукивают дробь. И мысль встать и пойти вперед пугает до потери самообладания... Может, так будет завтра? А сегодня он смелый оттого лишь, что опасность пока далеко?

Ночевали александропольцы в холоде. Костры, чтобы не дразнить корабли, приказали отставить. В Эскадском лагере Алексей спал в палатке возле Бельского, и они полночи разговаривали обо всем. Но теперь Михаил зазнался. Он держался возле взводного унтер-офицера, имел строгое лицо и хмурый начальственный взгляд. На виду у Лыкова Бельский вынул папиросник, к нему тут же подскочил первогодок со спичкой. Кандидат в охотники прикурил и важно кивнул... Общаться с гордецом Лыкову не хотелось, и он притулился спиной к спине Сашки Брешалова. С другой стороны лег Савченков, один из тех, кого Алексей в охапку выносил из реки. Так они втроем согрелись и уснули.

На другой день атаки опять не объявили. Впереди перестреливались охотники, особенно жарко было слева. Там кричали «Ура!», в ответ слышалось загадочное «Ла ху!». В тыл нескончаемой чередой шли раненые. Днем в цепь принесли борщ, заправленный жиром и подбитый мукой. Такой вкуснотищи вольнопёр никогда еще не ел! Следом появился Агафонов, как всегда, с новостями. Он пояснил, что охотники и турки схватились в штыки. «Ла ху!» означает «О, он!», то есть Аллах. С этим криком османы ходят в смертельные атаки. Если услышишь его – готовься к жестокому бою. Еще поручик рассказал, что вчера за деревней Какуты охотники заняли выгодную гору в двухстах саженьях от Муха-Эстаде. Она доминировала на равнине правого берега реки Очхамури и давала обзор всей вражеской позиции. Расположение артиллерии, склады и обозы – все видать! Турки спохватились и ночью послали на гору черкесов. Те явились в превосходящих силах и перебили защитников горы. А потом надругались над трупами: отрезали уши, выкололи глаза... Кого захватили раненым – подожгли одежду, и люди сгорели заживо. Некоторым мертвецам отсекли головы и бросили их вниз, к нашим позициям. Погибло более двадцати человек. И теперь

у охотников есть вакансии, нужно пополнить их из резерва смельчаков.

Алексей оглянулся, разыскивая Бельского, но увидел только его спину. Михаил быстрым шагом шел куда-то в глубь леса. Послали с донесением?

Вольноопределяющихся унтера старались зря не гонять. В лесу штаб, обозы первого разряда и лазаретные фуры. Какие там могут быть дела у Михаила? Но думать за других не полагается, и Лыков отвернулся. Запасных охотников в роте оказалось шестеро. Они быстро построились и отбыли на левый фланг. А сидение в лесу продолжилось.

Бельский вернулся лишь к вечеру. Он о чем-то коротко переговорил со взводным, махнул рукой и отошел в сторону. До ночи Михаил просидел на камне в обнимку с винтовкой. Никто к нему не подходил. Лыков догадался по этой обструкции, что дело нечисто. Похоже, герой струсил... Отрезанные головы смутили его? Или ослабла пружина внутри?

Он уснул в той же компании, греясь о спины товарищей. А в три часа утра их разбудили и велели двигаться вперед. Атака началась! Горнисты со всех сторон дали сигнал наступления:

– За царя и Русь святую

Уничтожим мы любую

Рать врагов!

Батальоны вышли из леса. Над равниной стоял туман. Он был недостаточно плотным, чтобы скрыть турецкую позицию, но от враждебного моря закрывал. И это вселило в солдат необходимую уверенность. Впервые после выхода из лагеря Алексей увидел свою колонну целиком. Офицеры выбежали вперед и выровняли ряды. Как на учениях, стрелковые роты рассыпались в цепь и быстрым шагом двинулись вперед. Полувзводы линейных рот тут же встали им в затылок. Все делалось быстро и слаженно самими же солдатами – они понимали, что их спасение в скорости маневров.

Лыков занял свое место во второй стрелковой цепи и огляделся. Савченков справа, Лагорио и Буткин слева; все звено в сборе. Дистанция с первой цепью – уставная. Он повернул голову назад и ахнул. Линейные роты во взводных и полувзводных колоннах двигались следом за стрелками. До них было чуть

больше ста саженой, тоже по уставу. Два батальона, тысяча триста шестьдесят штыков, как на учениях, шли в атаку. Держись, турка!

Вдруг туман стал рассеиваться и прямо на глазах исчез совершенно. Раз – и нету! Плоскость до самой Очхамури стала видна как на ладони, и турецкие позиции на правом ее берегу тоже. Алексей поразился красоте открывшейся перед ним картины. Справа блестело, как ртуть, море. Пенные барашки волн налетали на берег и живописно разбивались на брызги. Слева высилась огромная гора, и от нее расходились в стороны скалистые хребты[б - Гора Чахата.]. А по фронту тянулась полоса высот, на гребне которых что-то тускло блестело. Да ведь это турецкие штыки, сообразил Лыков. По мою душу сверкают! Черт! Руки сразу сделались будто мишурные, а в ногах появилась слабость. Старший в звене отстал, и соседи начали на него оглядываться. Стыдно какой! Алексей поднажал, хотя ноги едва слушались его. Хорошо хоть, по ним пока не стреляют... Тут высоты окутались дымом, словно турки подслушали его малодушные мысли. Одновременно хлопнуло с моря, и над поляной разорвалось сразу несколько шрапнелей. Проклятые броненосцы никуда не ушли, они ждали атаки! А ты, дурак, любовался барашками! Не в силах уже бороться со страхом, Лыков рванул вперед. Голова вдруг перестала работать. Движения словно бы направлял какой-то автомат. И это было спасительно для него. Бездумье вытеснило страх, и сделалось все равно: добежит? не добежит? попадут? не попадут? Ноги припустили вдвое быстрее, как в детстве, когда чесали наперегонки. И все смешалось и завертелось в дикой бессмысленной карусели.

Потом Лыков не смог вспомнить подробностей своей первой атаки. Они куда-то бежали. Над головой густо рвалась шрапнель. Стаканы ударялись о камни, изрыгали свинец и с диким звуком, похожим на хохот, улетали обратно в небо. Раз у Алексея сбило с головы шапку, и пришлось ее поднимать. Еще чиркнуло по рукаву. Потом он чуть не наступил на упавшего ему прямо под ноги Савченкова. Хотел поднять, увидел, что у того вместо глаза черно-красная дыра, а второй глаз испуганно косится по сторонам... Бросил и побежал дальше. Когда он заметил впереди берег реки, обрадовался, а зря. Оказалось, что их цепь добежала до границы ружейного огня турок. И в дополнение к шрапнели на атакующих обрушился шквал пуль. Сразу упало вокруг несколько человек, и ужас чуть было не вернулся снова. Но тут из-за спины вынырнул поручик Агафонов и крикнул ободряюще:

– Быстрее, быстрее! Там все кончится!

Мысль, что «там» все кончится, несказанно обрадовала Лыкова. Он еще поднажал и даже сообразил осмотреться. Савченкова не было, а Лагорио и Буткин бежали рядом.

– Вперед, там все кончится, – прохрипел им вольнопёр, но они, кажется, его не поняли. Лица у обоих были красные от напряжения, челюсти одинаково тряслись. Подумав, что у него, наверное, такой же вид, Алексей сходу бросился в реку.

Воды в Очхамури оказалось по пояс, а главное, высокий берег создавал мертвую зону. Выходить из реки не хотелось... Тяжело дыша, Лыков встал посреди потока. Тянуло на что-то опереться и отдохнуть. Тут на глаза ему попались двое раненых, которые спустились к воде и сели на берегу. Один из них был Тахвердов, с которым вольнопёр недавно искал в лесу тропу. Он держал на весу правую руку и что-то ей растерянно выговаривал. Бледный, без шапки и весь какой-то пришибленный... Второго раненого Алексей не знал. Тот держался за живот. Посидел минуту и повалился назад, на спину. Ноги дернулись в судорогах, потом вытянулись.

Лыков отвернулся. Два солдата стояли и смотрели на него, ожидая команды. Ах, ведь он над ними старший...

– Вперед, ребята, – буднично, без всякого пафоса сказал им Алексей и первый полез наверх.

Там, однако, было нестрашно. На высотах уже хозяйничали наши. Турки бежали. Лыков понял, что ни разу не выстрелил во врага, и устремился вперед. Влетел в окоп, перелез через большого мертвого османа и выскочил на другой скат. Впереди, саженьях в ста пятидесяти, улепетывали синие фигуры в красных фесках. За ними не гнались. Алексей встал на колено, прицелился в ближайшего. Затаил дыхание – и нажал на спуск. Бах! Синий как бежал, так и продолжил бежать. Пока вольнопёр доставал новый патрон, пока заряжался, турки скрылись под горой.

Кто-то за спиной хохотнул. Лыков обернулся. Трое старослужащих сидели на бруствере и дымили трубками. Один сказал добродушно:

– Барин! Отпусти ты их, пусть бегут. Тоже ведь люди.

– Какой я вам барин, дяденька!

– Ну, не барин... Все равно отпусти.

Со стороны гор неожиданно появился вольноопределяющийся Гиляровский из четвертого батальона. Вид у него был расхристанный, глаза бешеные.

– Здорово, Леха! Скольких положил?

– Ни одного...

– Ну и плохо! Я вот троих снял!

– Троих? – не поверил Лыков.

– Троих.

Гиляровский пришел на войну добровольцем из провинциальных актеров. Он оказался с двойным дном: намекал, что человек бывалый, но всегда недоговаривал. При этом был фантастически силен, решителен до наглости и хороший строевик. Еще в лагерях Гиляровский поборол всех силачей в полку. Лыков проиграл ему так же позорно, как и остальные. Но два вольнопёра из благородных сошлись. Владимир показал новому приятелю некоторые артикулы борьбы. А еще научил упражнениям, которые развивают силу мышц запястья и предплечья. Сам актер легко сгибал рубли и даже двугривенные, а из винтовки выбил «сверхотлично». Конечно, такой человек мог застрелить в бою троих... Алексей в очередной раз почувствовал рядом с ним свою неполноценность и поспешил сменить тему разговора:

– А ты, что, в охотники перешел?

Гиляровский был одет в горскую одежду и вооружен берданой.

– Ага! В полковую команду. Давай и ты к нам! Начальства мало, а приключений много. Эх! Только в охотниках и есть настоящая жизнь!

– А меня возьмут?

– Я похлопочу у Лешко. Это начальник охотников. А ты просись у Агафонова, он тебя отпустит. Ну, будь! Пойду трофеи возьму. Якши-яман, клади в карман!

И, нисколько не смущаясь, Гиляровский подошел к ближайшему мертвому турку, снял с него феску и нахлобучил себе на голову. Алексей оглянулся. Повсюду наши солдаты шарили по турецким ранцам. Кто находил табак, радовался и показывал соседям. Один сапер отыскал даже бутылку с коньячным этикетом! Нижегородец тоже хотел что-нибудь взять на память, но постеснялся. Где здесь граница с мародерством?

Раздались свистки фельдфебелей, офицеры собирали свои роты. Любопытные бродили по захваченным окопам. Убитых врагов оказалось немного. Турки опасались за артиллерию и взяли ее на передки еще до того, как в бою наступил перелом. Глядя на пушкарей, стала отходить и пехота. Уплыли и броненосцы, расстреляв свои огнеприпасы. Это решило исход дела. Потери атакующих были значительными, но, если бы турки не побежали так быстро, погибло бы еще больше. В целом Рионский отряд выполнил задачу с приемлемыми потерями. Генерал-лейтенант Оклобжио проехал по гребню Муха-Эстадских высот и поблагодарил войска. Было приказано закрепиться на позиции и выслать вперед разведку.

Еще через час, когда ушли все офицеры, Лыков увидел необычную сцену. Фельдфебель выстроил роту. Вперед вытолкнули двоих. Взводные унтера окружили пару и взяли в кулаки. Оказалось, эти двое оставили цепь во время атаки. Били трусов жестоко... А потом вернули в строй со словами, что при повторе будет военно-полевой суд. Лыков знал от отца, что это давняя традиция русской армии. Называлась она – домашнее воздействие. Провинившегося в бою в первый раз наказывает сама рота, без начальства. Большинство принимает урок и больше не дрейфит. Лишь изредка попадаетеся такой трус, что опять бежит с поля боя. Ему уже нет прощения.

Вечером Лыков пошел к полуротному отпрашиваться в охотники. К своей радости, он увидел там ефрейтора Голунова.

– Ты как? – спросил Калина Аггеевич. – Штаны сухие остались?

– Вроде да.

– Ну, живой, и слава богу.

– Один раз только выстрелил, – признался Алексей. – Вроде бы и прицелился как надо, а не попал.

– Настреляешься еще, – утешил его ефрейтор. – Война завтра не кончится.

– А Гиляровский вон троих свалил!

– Это из четвертого батальона? Да он известный болтун!

– Нет, я верю! Он на медведей с детства ходит, стрелок отличный.

– То его грехи.

– Почему грехи? Война же!

– И на войне лишнего на себя не бери, – строго сказал Голунов. – Под пулями ты побывал, задачу выполнил, позицию захватил. Что еще надо? Зачем обязательно кого-то жизни лишать?

– Он, Гиляровский этот, зовет меня в полковую охотничью команду.

– В полковую? – впервые заговорил Агафонов. – Я против! Зачем вам туда? У вас, я заметил, есть военная жилка. Останетесь в роте, через полгода сделаетесь унтер-офицером. А охотничья команда для авантюристов. Да еще для таких, как Калина Аггеевич.

– А он не авантюрист? – не удержался от вопроса Лыков. Поручик улыбнулся:

– Нет. Голунов – натурный[7 - Натурный – настоящий, твердый.] человек. Да к тому же опытный одиночный боец. Такие люди на вес золота, и их не надо использовать в общем строю. В разведке от них очень большая польза. От вашего Гиляровского, наверное, тоже есть польза. Но там много напускного, много хвастовства. Не удивлюсь, если Голунов тоже прихлопнул в бою несколько турок, но никому об этом не треплет. А, Калина Аггеевич?

– Турок я вам оставил, а сам искал черкесов, – ответил тот серьезно.

– Каких черкесов?

– Тех, что нашим охотникам головы отрезали.

– Нашел? – встрепнулся Агафонов.

– Нашел...

В голосе ефрейтора прозвучали зловещие ноты. В отличие от бахвалившегося Гиляровского он не приписывал себе подвигов, а скорее недоговаривал.

– И что?

– Кого догнал, того наказал, – лаконично ответил Голунов и перевел разговор на другое:

– Ваше благородие, – сказал он, – разрешите лучше Лыкова мне забрать! В команду левой колонны.

– Зачем? – насторожился поручик.

– Тут его этот актеришка испортит. Не выдержит Алексей, все равно уйдет в охотники. Уж лучше под мою руку.

Полуротный задумался. Прошелся туда-сюда... Только теперь Алексей заметил, что он прихрамывает.

– Контузило, пустяк, – сообщил Агафонов, перехватив его вопросительный взгляд. – Ну а вы, Лыков, что думаете? Куда больше хочется?

– Больше – к Калине Аггеевичу, – сразу же сказал тот.

Поручик вздохнул:

– Эх... Были бы вы военный человек, знали бы, как нужны в ротах кандидаты в унтер-офицеры...

– Я не хочу делать военную карьеру, – торопливо доложил Алексей.

– А чего ж тогда на войну пошли?

– Испытать себя. И послужить правому делу.

Агафонов посмотрел парню в глаза, словно хотел понять, где тот соврал. А может, его покорило «правое дело»? Наконец поручик сказал:

– Хорошо. Поступайте в команду левой колонны. Сочините рапорт, я отдам его на подпись капитану.

– Есть!

– И... держитесь там ближе к Калине Аггеевичу.

– Есть!

Так для вольноопределяющегося Лыкова началась новая жизнь на войне.

14 апреля Рионский отряд взял с боя позицию на высотах Муха-Эстаде и остановился для перегруппировки. Пассивная фаза затянулась на две недели. Это было вызвано отвратительным состоянием дорог в захваченной местности. Штабисты и интенданты с ужасом обнаружили, что на границах Турецкой Гурии все дороги кончаются. Начали четверить обозы[8 - Четверить обозы – запрягать

повозки двойной упряжью.], но и это не помогало. Единственное удобное шоссе идет в Батум вдоль моря, и пользоваться им нельзя – обстреляют броненосцы. А в горах только выючные тропы! Русские вступили в совершенно дикую горную страну Аджарию. Она не предназначена для военных действий крупными силами. Северная часть Аджарии называется Кобулетия. Она, в свою очередь, делится на Верхнюю, горную, и Нижнюю, приморскую. Кобулетия населена воинственным и храбрым народом. Этнически это грузины, но принявшие магометанство. Кобулетцы ненавидят всех. Даже турок они едва терпят, как единоверцев. А православных уже много лет грабят и разоряют, воруют в Гурии женщин и детей, занимаются контрабандой. Молодчество развито в Кобулетии в высшей степени. Здесь разводить скот и заниматься земледелием считается делом чуть ли не позорным. Вот грабить и убивать – совсем другое! Настоящий джигит не опускается до мирной жизни. И таких джигитов там около десяти тысяч. Есть еще большой поселок Цихисдзири, населенный черкесами. В шестидесятых годах они бежали из Западного Кавказа в Турцию, спасаясь от русских штыков. Кто не смог убежать, погиб. Сейчас в самой Турции черкесы освобождены от воинской повинности. Вместо этого они охотно идут в иррегулярную кавалерию, в башибузуки. Ненависть их к русским общеизвестна. В османской армии они лучшие наездники и разведчики. Пленных не берут, раненых добивают с особой жестокостью.

Вот такие силы – кобулетцы и черкесы – стояли сейчас перед Рионским отрядом. У себя дома они знали каждую тропинку и каждое дерево. Театр войны представлял собой узкую полосу земли, зажатую с трех сторон горами, а с четвертой – морем. Вся она или поросла вековым лесом, или была непроходимым болотом. Малярия таилась под каждым кустом. Ядовитые испарения косили людей много быстрее, чем турецкие пули. Каждый день в отряде кого-то кусали ядовитые змеи, которые кишели здесь на каждом шагу. Тарантулы и фаланги заползали в палатки и жалили людей. Снабжение двадцатитысячного войска превратилось в неразрешимую задачу. Сена в Кобулетии нет вовсе, поскольку нет лугов. Лошадей пришлось кормить галой – местным просом – и стеблями кукурузы. Все привозилось из Грузии или даже России во вьюках. А много ли груза можно положить во вьюк? В Рионском отряде остро не хватало перевязочных материалов, лекарств и провианта.

Всего этого Лыков не знал. Его перевели в охотничью команду левой колонны, в подчинение к ефрейтору Голунову. Начальником всей команды был поручик Фокин. Он сразу понравился Алексею своим внушительным спокойствием. Среднего роста, подтянутый и вежливый со всеми, поручик походил на обычного штабка[9 - Штабок – презрительное прозвище «штабных крыс» в войсках.].

Однако при штурме Муха-Эстаде он направил своих людей во фланг вражеской позиции. Как раз там, по наблюдениям разведки, сидели «ассакире-муавине». Так год назад переименовали башибузуков; в переводе это означало «подвижное войско». Но от смены названия разбойники не стали добрее. В отряд входили преимущественно черкесы, но были еще курды и карапахи. Именно эти люди отрезали головы нашим охотникам. Фокин окружил их со всех сторон. Для этого поручику пришлось лично провести два отделения самых отчаянных за турецкие окопы. Когда началась перестрелка, ребята сидели тихо. А как только стрелковые цепи вышли к реке, ударили белым оружием, без выстрела. Черкесы почти все остались на поле боя. Их гнали и убивали до реки Ачкуа, чуть не захватив сгоряча еще одну турецкую позицию – на Хуц-Убанских высотах. В нужное время Фокин увел своих бойцов назад. И снова сделался вежливым и спокойным...

Жизнь Лыкова переменялась. Первым делом его переодели: в тесном мундире и тяжелых сапогах лазить по горам неудобно. Новичку вручили поношенный архалук со следами замытой крови и такую же потрепанную черкеску. На ноги он надел кожаные чувяки с суконными ноговицами. На голову водрузил черную, мелкого курпея, папаху с шерстяным башлыком. Еще выдали поршни – подошвы из толстой буйволово́й шкуры, с железными шипами. Поршни подвязывались к ногам веревками и предназначались для лазания по скалам. Из оружия Алексею достался трофейный черкесский кинжал, простой отделки, зато хорошей стали.

У Лыкова начались бесконечные занятия. С первых дней он попал в обучение к Голунову. Пластуны действительной службы – это же черти! В огне не горят и в воде не тонут. Калина хоть и отслужил уже срок, но навыков не утратил. Ефрейтор знал и умел столько всего, что Алексей поражался. Он стрелял из любого оружия, метал ножи, а нагайка в его руках была опасней шашки. Мог побороть любого в отряде, даже силача Гиляровского, используя странные необычные приемы. Часами сидел под водой, дыша через камышовую трубочку. Обходился минимумом еды, был способен не спать трое суток кряду. И видел в темноте, как кошка.

Калина стал учить Лыкова бесшумной ходьбе и маскировке в лесу. Еще наставлял, как пользоваться ножом и кинжалом. Одного из охотников обрядили в турецкую куртку, а на спине углем нарисовали лопаточную кость. Новички подкрадывались к нему и деревянным клинком старались ударить точно в сердце. Потом били спереди, пытаясь угодить между пятым и шестым ребром. После нескольких часов мытарств кинжал меняли на винтовку. Сначала учитель

фехтования Закатальского полка натаскивал молодых охотников в обращении со штыком. Дядька имел три креста и легко управлялся один с несколькими противниками... Затем на смену ему приходил старший унтер-офицер Первого Кавказского стрелкового батальона. Этот учил стрельбе во всех видах: лежа, на бегу, в сумерках на звук, навскидку... И всегда попадал в цель. Еще инструктор обучал солдат обращению с разным оружием. Помимо своих берданы, Крнка и Карле, изучили трофейные винтовки Пибоди-Мартини и Снайдерса. У последней максимальная дальность выстрела оказалась вдвое выше, чем у наших винтовок, а прицельная – в полтора раза. И металлический патрон вместо бумажного! Алексей захотел себе такую. Калина на это сказал: добудь сам, а я помогу. И они начали готовиться к походу во вражеский тыл.

Конечно, добыча винтовки была задачей вспомогательной. Требовалось разведать турецкую позицию на высотах Хуц-Убани.

Теперь русские и турецкие позиции разделяла новая река – Ачкуа. По ее берегам каждую ночь происходили кровавые стычки разведывательных партий. На той стороне вытянулись горы. Они напоминали Муха-Эстаде, но выглядели неприступнее. Поручик Фокин пояснил главную задачу: найти место для переправы артиллерии. В Рионский отряд входило отделение понтонного батальона. Оно имело на вооружении каучуковый мост, предназначенный для перевозки тяжелых грузов. Мост был один, и ошибиться в его расположении значило оставить пехоту без пушек. Искать броды опасно: в бурных горных реках они постоянно меняются.

Кроме этого, следовало изучить сами укрепления, выявить слабые места, расположение артиллерии и резервов. Начальство также требовало «языка» в чине не ниже унтер-офицера. Задача получалась архитрудная: форсировать реку, проникнуть на занятые врагом позиции и обследовать их, а на обратном пути захватить пленного. Да еще с лычками...

Поиск был поручен Голунову. Тот все обдумал, изучил карту, слазил ночью на берег Ачкуа. Затем перебрал каждого члена охотничьей команды, а их было полсотни человек. И остановил выбор на гурийце Ване Джаверидзе и Алексее Лыкове.

Джаверидзе был крепкий мужчина тридцати пяти лет, в мирной жизни – лесной объездчик. В команде он обучал людей лазить по горам. Бывалый и смелый, Ваня знал несколько туземных языков, хорошо стрелял и был отличным

следопытом.

То, что в поиск назначен Лыков, удивило всех, кроме поручика Фокина.

После нескольких дней изнурительной подготовки Калина дал своим людям сутки отдыха. А утром повел их к горам. Косвенные приметы подсказывали, что скоро начнется наступление на Хуц-Убанские позиции. Начальству срочно нужны данные. Тянуть с разведкой дальше нельзя, поэтому хватит учиться, пора воевать...

По выходе из лагеря Голунов раскрыл своим подчиненным военную тайну. Оказалось, что накануне вторжения русских войск владетель Аджарии Шериф-бей подписал с Россией тайное соглашение! Все его статьи ефрейтору никто, конечно, не выдал, но кое-что в штабе сообщили. В частности, люди Шериф-бея нарисовали, как смогли, карты местности. Той самой, где сейчас идут бои. Конечно, получились примитивные кроки, но в отсутствие других сведений им не было цены.

Теперь у разведчиков имелись важные ориентиры для поиска. На бумагах, что выдали Калине Аггеевичу, был нарисован Аджарский хребет с горным узлом Хино (8522 фута над уровнем моря). От него к Батуму отходит хребет Перанги, но пока начальству не до порта. Дай бог сначала подобраться к нему через горные отроги! А путь к конечной цели Рионского отряда преграждают три таких отрога: Чахатский (армия сейчас стоит на нем), Цихисдзирский и Чакво-Батумский.

Команде Голунова предстоит сильно углубиться в горы, почти до Чахаты. Этот горный узел много ниже Хино, всего 3310 футов, но он очень неудобен для любых передвижений. Зато там не будет лишних глаз и ушей. Даже кобулетцы сторонятся здешних скал. Местность там непроходимая.

От подошвы узла пластуны[10 - Формально пластуны – это пешие батальоны Кубанского казачьего войска, обученные выполнению разведывательных задач. Но на Кавказе пластунами часто называли любые подразделения пешей разведки.] должны взобраться на отрог и по нему осторожно спуститься вниз. На гребне стоят три крупных туземных села: Хуц-Убани (по нему и назван весь отрог), Зенити и Кандиди. Между ними и раскинулись оттоманские позиции. Кроме турок, здесь полно местных жителей. Охотникам предстоит пройти

гребень насквозь, запоминая все важное, и при этом не попасться. Ночью они ничего не увидят. Поэтому нужно затемно выбрать укрытие с хорошим обзором, весь световой день наблюдать оттуда, а ночью сменить пункт наблюдения. Учитывая протяженность высот, таких ночевок под носом у врага придется делать две. А на третью ночь необходимо обратно перейти реку, захватив по пути «языка».

Весь этот план Калина показал своим людям по выходе из лагеря. Пока не стемнело, троица продвигалась к горам по своей территории. Пришлось прикрываться лесом. Острая вершина Чахаты иногда виднелась из-за деревьев и, казалось, не приближалась. Но постепенно подъем стал труднее, а орехи сменились соснами. Наконец ефрейтор дал команду оставить мешки и ружья и подкрасться к берегу Ачкуа. Пластуны залегли в кустарнике. Голунов долго разглядывал противоположный берег в девятнадцатикратный бинокль. Алексей тоже старался увидеть что-то важное, но ничего не обнаружил. А вот Калина засек вражеский секрет. Три кобулетца с магазинными винтовками сторожили место, удобное для переправы. Пришлось вернуться в лес и опять тащиться к горам.

– Магазины! – возбужденно ахал Джаверидзе. – Ай, какая вещь! Говорят, там двенадцать зарядов, да?

– Пятнадцать, – поправил ефрейтор. – Двенадцать – в кавалерийских карабинах.

Вано совсем извелся от зависти.

– Это турки их вооружили, я знаю! У нас в целом отряде всего четыре магазинных ружья. А тут в одном месте три! Давай на обратном пути зарежем кобулетцев, а ружья заберем!

– Обратно мы будем переходить напротив Даашбары.

– Вах, начальник! Давай переделаем план! Здесь перейдем, что тебе стоит?

– Нет, – твердо сказал Калина Аггеевич. – Мы должны пройти всю позицию из начала в конец. До того места, где отрог опускается в болото. Не возвращаться же потом обратно по турецким окопам из-за трех ружей! Мы зарежем этих ребят в следующий раз. Специально за магазинками придем и зарежем.

– Спецыялно – это нарочно, да?

– Да.

– Обещаешь, что ми суда еще вэрнемся и забэрем ружья?

– Обещаю.

На этом Вано успокоился и дальше шел молча.

Через версту они снова вышли к броду и опять обнаружили замаскированный пикет. Очевидно, туземцы охраняли переправы через Ачкуа. Но чем выше в горы, тем речка мельче. Ее уже и здесь можно перейти почти в любом месте.

Преградой была скорее не она, а высокий левый берег. И тогда Голунов решил форсировать реку там, где нет ни брода, ни тропы. Главное, чтобы в береговой скале имелась щель, в которую смог бы протиснуться человек. Через триста саженей такая щель нашлась. Ефрейтор полчаса наблюдал за окрестностями, принюхивался и прислушивался. Было тихо и безлюдно. Когда сумерки стали опускаться на сосны, он первым вошел в быстрый поток. Через минуту трое пластунов уже ступили на вражеский берег.

Расщелина в скале оказалась неглубокой. Дойдя до ее конца, ефрейтор заткнул полы черкески за ремень и ловко забрался на трехсаженную высоту. Вторым так же быстро поднялся Вано. Алексей с непривычки провозился чуть дольше, но тоже справился. Пока не стемнело окончательно, Голунов вел своих людей на отрог. Это было очень трудно: колючки цеплялись за одежду на каждом шагу. Если попался, главное было не дергаться. Требовалось замереть на месте и кинжалом отрезать ветку. Если же начнешь вырываться, возиться, тогда в тебя вопьются сразу три-четыре шипа. И без посторонней помощи уже не выбраться.

Пластуны забрались на гребень, когда стемнело. На ощупь они нашли подходящую выемку в скале, почти пещеру, и укрылись в ней. Калина Аггеевич разбил время, оставшееся до утра, на три смены. Себе взял самую трудную, с двух до четырех часов, когда сильнее всего хочется спать. Разведчики намазались дегтем от комаров – и уснули.

Как только начало светать, они выбрались из пещеры и стали спускаться к морю. Голунов шел первым, Лыков вторым, Джаверидзе замыкал. По гребню тянулась убогая тропа, но она весьма облегчила путь. Калина нервничал: где тропа, там и люди. Поэтому он двигался в двадцати саженях впереди подчиненных. В себе казак был уверен, а тем требовалось время, чтобы спрятаться... Так они прошли три версты, пока не встретили первые признаки жилья.

Это оказались выгоны с овчарней, пустые. Но за ними ефрейтор углядел караульного. Осман в красной феске стоял на тропе, беззаботно куря трубку. Пластуны обошли его. Но еще через полверсты открылся приток Ачкуа, широкий и бурный. Над ним был переброшен мост, который тоже охранял часовой.

Ефрейтор укрыл свой отряд за кустом жимолости и знаком велел всем присесть. Лицо у него было озабоченное.

– Калына Аггеевич, дай его минэ! – взмолился Ваню.

– Нет. Пусть часового снимет Лыков.

– Да он...

– Отставить!

Гуриец обиженно отвернулся. А вольноопределяющийся почувствовал, как у него мгновенно вспотела спина. Убить человека? Война, ведь сейчас война! Кругом враги, не до сантиментов. Значит, надо пойти и зарезать того турка. Потому что война...

– Зайди со стороны ручья, – посоветовал ефрейтор, внимательно глядя на Лыкова. – И чтобы не пикнул!

Алексей оставил винтовку и вещевой мешок, кустами обошел часового и стал подкрадываться к нему сзади. Сердце отчаянно стучало. Как вот – взять и убить? А вдруг рука дрогнет? Калина хотел спросить парня, сможет ли он сделать дело или лучше его заменить. Но так и не спросил. Видать, решил, что пора ему стать солдатом. Он прав! Ведь Лыков пошел на войну добровольцем. Надо отвечать за свои поступки. Надо зарезать врага. Ударить человека кинжалом в спину. Под

лопатку, прямо в сердце. И это не подло, потому что идет война.

Так, уговаривая сам себя, Алексей подбирался к часовому. Странно, но тот его не замечал. Уроки бесшумной ходьбы пошли впрок. Вот до османа осталось всего две сажени. Рывок, удар – и дело сделано...

Клинок без единого звука вышел из ножен. Турок был упитанный мужчина лет сорока, с добродушным простым лицом. Что же он такой? Имел бы наружность злодея, взять его на кинжал было бы легче! Вот эдакие добродушные и поднимали на штыки болгарских женщин и детей, заверил себя пластун. Но не убедил. Кончать дядьку с трубкой ему не хотелось. Человек стоял, курил и любовался горным пейзажем. Живой и здоровый, полный сил. За что же его?

В последний момент Лыков перебросил кинжал из правой руки в левую, прыгнул на караульного и сильно ударил его сзади кулаком по шее. Так сильно, как только смог. Турок повалился ничком. Даже не охнул... Из-за жимолости выскочили Голунов с Джаверидзе. Лицо ефрейтора перекосила гримаса ярости. Он подбежал к турку, наклонился, ударил кинжалом в спину. Вытер лезвие об куртку, убрал оружие – и вдруг стал стаскивать с пальца убитого золотое кольцо. Алексей стоял и смотрел, не смея возразить. Ваню навел винтовку на тропу и страховал. Калина сорвал кольцо вместе с кожей и принялся обшаривать карманы. Что он делает? Но ведь так, наверное, надо? В разведке полагается забирать вещи противников?

В считанные секунды кубанец обчистил мертвого турка, снял с него подсумки с патронами и оттащил тело к высокому берегу ручья. Он делал все точно и безошибочно, как будто в сотый раз. Толчок – и покойник полетел в воду. Три фигуры быстро перебежали мост и снова двинулись к морю. Через сто шагов ефрейтор извлек из кармана трофеи: кольцо, кисет с табаком, перочинный нож и дешевые часы на стальной цепочке. Размахнулся – и зашвырнул вещи в пропасть. В ответ на недоуменный взгляд Алексея пояснил шепотом:

– Пусть думают, что это сделали кобулетцы. Они любители грабить убитых... Такие и союзника не пожалеют.

Сделал шаг вперед, потом вдруг остановился и сердито сказал через плечо:

– Гляди у меня! Чтоб следующего сам!

Трое двинулись дальше, стремясь быстрее уйти от ручья с убитым часовым. Но скоро пришлось свернуть в лес. Они добрались до густонаселенных мест. Убогая тропа превратилась в аробную дорогу, по которой в обе стороны шли и ехали люди. Причем кобулетцев было намного больше, чем турок. Как же проникнуть на военную позицию? Уже сейчас всюду полно чужих глаз. Спрятаться, а вечером двинуться дальше? Однако у Голунова оказалось на этот счет другое мнение. Он вывел своих людей на боковую тропу и перестроил. Теперь впереди шел Вано. Еще в лагере он снял чакуру[11 - Чакура – часть гурийского национального костюма, разновидность черкески.] и переоделся аджарцем. Калина следовал за ним. Он надел синюю куртку, подпоясал штаны красным поясом, а поверх него, как полагается у турок, надел еще черный. Всю эту амуницию ефрейтор вынул из своего мешка. Замыкающим поставили Лыкова с винтовкой Пибоди, добытой у моста. Издали они походили на местную милицию. Так разведчики прошли еще три с лишним версты. Никто не обращал на них внимания, а они незаметно изучали местность.

Лыков был как на иголках, хоть и старался не подавать виду. Они в тылу у противника! Если их опознают, надежды на спасение никакой... Замучают пытками до смерти, а труп потом еще и обезобразят. Ни начальство, ни товарищи не узнают, как разведчики сложили свои головы. И родители, стало быть, тоже. Алексею сделалось страшно, как никогда в жизни. Вот же турки, их вокруг все больше! Зачем идти дальше, на виду у такой прорвы врагов? Ведь рано или поздно кто-то непременно их окликнет, попытается заговорить, спросит, откуда они! Пора, давно пора прятаться! Вон подходящие кусты. Что творит Калина?!

Это были самые жуткие полчаса в жизни бывшего гимназиста. Кругом сновали вооруженные люди, ехали всадники, вскоре появились и земляные редуты. Трое пластунов все шли и шли. Но их походка была столь деловитой, а лица так спокойны, что никто не обратил на них внимания. Если бы Алексею рассказали про такое, он бы не поверил... А тут фантастическая история происходила с ним.

Необыкновенное напряжение, видимо, растратило нервы и Голунову. Он решил не испытывать судьбу. Отряд миновал Хуц-Убани, первое из трех селений на высотах, и приближался к Зенити. На равном удалении от обоих сел обнаружился заброшенный дом. Даже не дом – пепелище. Жилые строения выгорели полностью, а коровник уцелел, только кое-где обуглился. Поравнявшись с ним, Калина осмотрелся и скомандовал:

– За мной!

Три фигуры мгновенно шмыгнули внутрь. Ефрейтор укрыл своих людей на чердаке. Крыша коровника полуобвалилась, и образовались щели. В них удобно было наблюдать местность вокруг, оставаясь незамеченным. Идеальная позиция! Расположившись, Калина ослабил ремни и подмигнул Лыкову:

– Ну как, доброволец? С жизнью-то уже простился?

– Почти что, – признался тот.

– А ты не спеши. Нам погибать некогда, надо задание выполнять. Кстати, о задании. Лыков наблюдает обратные скаты, Джаверидзе – фронт до реки. Бинокль только у меня, поэтому я смотрю гребень в обе стороны. Все, что заметили, докладываете мне. Вопросы?

– Никак нет!

Началось их бдение. Уже через пять минут Алексей обратился к командиру:

– Калина Аггеевич, идут аскеры, около взвода. У них на куртках красные отвороты. Это кто такие?

– Все, кроме пехоты. Или кавалерия, или артиллеристы, или саперы. Что у них в руках?

– Кирки.

– Значит, саперы. Проследи, где и что они роют.

Чуть позже Лыков доложил, что турки копают какие-то две ямы возле дороги. Расстояние между ними – пятьдесят саженей, ямы неглубокие и обложены со стороны реки бруствером. Голунов глянул на них и зарисовал в блокноте два капонира для пушек. И точно, после полудня орудия встали на позиции. Калина дописал: полевые шестифунтовые.

Еще через четверть часа тот же Лыков сказал:

– Конные туземцы, но какие-то странные...

– Чем?

– Все в белых штанах. А на головах фески, но обмотаны черными платками с бахромой. И лошади идут как-то чудно...

– Это курды племени шаксевен, – пояснил ефрейтор. – Злой народ! К таким в плен попадать не советую. А лошади у них подкованы на все копыто цельным куском железа, «пятак». Поэтому и ход необычный.

– Зачем на все копыто? – удивился Алексей.

– Так легче скакать в горах.

Ну все знает Калина Аггеевич! Лыков продолжил наблюдение и скоро доложил:

– А вон еще какие-то дядьки в шапках, как грибы!

Ефрейтор удостоил дядек самоличным обзором и выругался:

– Вот сволочь! Карапапах.

– Племя такое?

– Нет. Карапапахами называется всякий сброд. Они разбойничают в Турецкой Армении. Османы наняли их на время войны, чтобы заместить свою регулярную кавалерию. Они еще хуже курдов! Преступники со всего Закавказья, беглые, кровники, дезертиры без роду-племени. Только их нам не хватало...

Пункт для наблюдений был выбран очень удачно. С чердака гребень горного отрога просматривался почти до конца. Удалось обнаружить резервы – два табора пехоты и отдельно роту талиа[12 - Табор – пехотный батальон; талиа – стрелковая рота в линейных частях турецкой пехоты.]. Вано зорким глазом выследил батарею горных орудий системы Витворда. Лыков на обратных скатах открыл лагерь иррегулярной кавалерии. Ода[13 - Ода – отряд башибузуков.]

башибузуков численностью примерно в триста сабель прикрывала местность разъездами. Постепенно весь центр и правый фланг турецкой позиции были нанесены на карту. Алексея удивили окопы на прямых скатах высот. Они оказались мелкие – в русской армии такие назывались «до колена» и предназначались для временной обороны. То ли османы поленились копать глубокий профиль, то ли они не собирались сильно биться за позицию. Вольноопределяющийся спросил у командира. Калина Аггеевич, как всегда, внес ясность. Местность горная, сказал он. Слой земли тонкий. И это хорошо – легче будет выбить отсюда противника.

Жизнь на чердаке оказалась почти комфортной. Пластуны вскрыли консервы из баранины, заели сухарями и запили чихирем. Ваню сухари отверг и подкрепился чуреком. Малую нужду справляли прямо вниз, не слезая. Для большой пришлось спускаться. Получилось даже поспать по очереди.

Ближе к вечеру нервы разведчикам попортил какой-то невоздержанный башчавуш[14 - Башчавуш – старший капрал.]. Он пришел к коровнику с женщиной и все искал места, где бы им совокупиться... На чердак любовники, конечно, не полезли, а устроились внутри, чтобы их не увидели с улицы. Ушли через час, все измазавшись в копоты, и расстались прямо у плетня. Бабенка припустила в Зенити, а капрал не спеша двинулся вниз, к реке.

– Вот обидно! – выдохнул Калина Аггеевич. – Попадись он нам завтра, взяли бы с собой... Ну, другого сыщем. Пора выступать!

Троица выстроилась в прежнем порядке и двинулась к морю. Быстро стало темнеть. То там, то тут в сумерках двигались какие-то тени, ржали кони, турки тащили к лагерю упирающегося барана... На выходе из Зенити пластунов окликнули из темноты. Ваню ответил и добродушно засмеялся. Неизвестные хмыкнули, и разведка пошла дальше.

Двигаться в полной темноте по незнакомой местности трудно. Даже Голунов стал спотыкаться. Пришлось искать ночлега. Они сунулись в пустую пещеру, но там пахло табаком и мочой. Значит, сюда ходят. Поиски продолжили. Наконец попались два валуна. Они лежали в форме буквы «V», и между ними можно было спрятаться. Снова разбились на смены. Алексей долго не мог уснуть. Вокруг него шумел ночной лес. Кричали чекалки (так наши солдаты называют шакалов), вдалеке тихо гудело море. Он в разведке! Рядом турки и злобные туземцы, которые пленных не берут. Страшно-то как... И при этом привлекательно, словно

он, Лыков, угодил в книжку приключений. Но ведь это не книга, а подлинная жизнь! Если закрыть том, все кончится и вернутся обычные будни. А в жизни беды настоящие. Сунут парню кинжал в бок, оттуда хлынет кровь. И будет течь, пока он не умрет... Раз! – и нет целого мира. Точнее, мир-то как раз останется и даже не сильно изменится. Вот только в нем не окажется Алексея Лыкова, вольноопределяющегося второго разряда, пошедшего на войну добровольцем. Испытать себя захотелось? Вот, получи! Мог бы сейчас дремать в подбитой ватином палатке или стоять в карауле. Все равно среди своих и в безопасности. Нет, поперся в охотники. Дурак!

Под такие мысли Лыков заснул по-заячьи[15 - Спать по-заячьи – вполуха, настороже.], по меткому выражению пластунов. Ему приснились Благовещенская слобода, старинный монастырь и ярмарка на том берегу Оки. Отец вел его, маленького, за руку. Они шли по плашкоутному мосту покупать Лешке букварь. Только спустились к рядам, как вольноопределяющегося разбудили. Пришла его смена караулить.

В четыре часа утра отряд Голунова опять встал на тропу. Турки еще спали. Поэтому разведка беспрепятственно прошла их вторые эшелоны и остановилась у большого камня. Камень имел необычную округлую форму, напоминавшую ломберный стол, а в середине его было выточено отверстие. Калина Аггеевич сказал:

– Священный жертвенник! Отсюда до Кандиди полторы версты. Но нам туда не надо.

– А куда нам нада? – спросил Джаверидзе, нервно озираясь.

– Ищем, где спрятаться. Как вчера – на целый день. И чтобы был хороший обзор!

Пластуны стали нарезать круги, но ничего подходящего не находили. Делалось все светлее, появились люди, а укрытия не попадалось. Лыков предложил забраться на холм, поросший алычой. Холм торчал на склоне гребня и, казалось, идеально подходил для наблюдения. Но Калина возразил:

– Туркам он тоже подходит. Скорее всего, там у них днем появляются свои любопытные – присматривать за нашим лагерем.

С трудом разведчики спрятались в зарослях ежевики. Место по сравнению со вчерашним коровником было никудышное. Обзор, правда, хороший, но все на виду. Алексей впервые в жизни справил нужду лежа... Предложенный им холм действительно облюбовали турки. После одиннадцати часов туда пришли два офицера с оптикой и не уходили до обеда. А пехотинцы и пушкарки без конца сновали вокруг ежевики. Вести разговоры было невозможно, и каждый старался запомнить свои наблюдения.

Даже из такой позиции пластуны сделали важные открытия. Они обнаружили на обратном скате целый полк низама. Низам – это регулярная пехота, хорошо обученная и вооруженная. Начальство считало, что против Рионского отряда воюют только части редифа, запасные войска, а весь низам стянули к главному театру войны, Карсу. И вот оказалось, что это не так. Более того, полк состоял из арабистанцев, лучшего у турок войска. Голунов опознал их по характерной манере носить шинели через плечо. Регулярный полк скрывался во втором эшелоне, нависая над нашим правым флангом. Именно там горный отрог круто спускался на равнину. Видимо, турки готовили отсюда контрудар. Наши войска пойдут вперед, полезут на высоты, а в это время им в подбрюшье ударит отборная пехота. Она отсечет тех, кто шел в авангарде. А потом, усиленная конницей, продолжит марш вдоль моря и отбросит весь отряд. Броненосцы помогут огнем. Хитро!

На том же конце отрога противник выстроил кольцевой наносной окоп[16 - Наносной окоп – не вырытый в земле, а сложенный поверх нее из камней и бревен. Применялся в горах, где тонкий слой почвы.]. Он прикрывал весь турецкий левый фланг и был рассчитан на целый батальон.

Еще разведчики обнаружили крупный штаб. Он занимал хутор посреди ореховой рощи. Туда-обратно постоянно сновали люди: ординарцы, курьеры, адъютанты. Цепь часовых охраняла рощу. Возможно, там была резиденция самого Дервиш-паши.

После полудня задымил множество костров, запахло варевом и свежим печеным хлебом. Турки сошлись к котлам с манерками. Тут-то их удалось посчитать, и довольно точно. После обеда началась сиеста. Все вокруг повалились спать, даже часовые. Какая беззаботность! В русской армии такого не увидишь... Воспользовавшись общей негой, Голунов отправил Вану прогуляться вдоль реки. Надо же еще было найти место для понтонеров! Русские шляться возле турецкого лагеря не рискнули и просидели в ежевике до

вечера.

Когда стемнело, вернулся Джаверидзе. Он не только осмотрел подступы к Ачкуа, но и выбрал место для возвращения. Храбрый гуриец прошел по берегу туда-обратно, заговаривая с кобулетцами. А у ближайшего брода засек турецкий пикет: чавуш и трое рядовых. То что нужно! Солдатики нанизать на кинжалы, а унтера связать и перетащить к своим.

Голунов выразительно посмотрел на Алексея, и тот кивнул. Никто не сказал больше ни слова.

Дождавшись темноты, пластуны вышли из укрытия. Теперь их возглавил Калина Аггеевич. Команда благополучно спустилась к реке по крутому кособоку. К пикету подошли не таясь. Ваню балагурил, что-то весело рассказывая вполголоса. Ефрейтор отвечал ему на туземном наречии. Только за несколько шагов их окликнул часовой. Гуриец насмешливо фыркнул в ответ – и прыгнул. Раздался едва слышный всхлип. Алексей выскочил из-за спины Голунова и оказался лицом к лицу с рослым турком. Он сделал все, как учили. Рука с кинжалом сама пошла вперед... Клинок угодил точно в сердце. Турок ойкнул, словно удивленный ребенок. Схватился за лезвие, порезал руку и отдернул ее. А потом молча упал на колени. Рядом боролись люди, звякнула сталь, но крикнуть никто из пикета не успел. Через несколько секунд все было кончено.

Алексей стоял и смотрел на противника сверху вниз, сжимая кинжал. По его пальцам стекала теплая липкая кровь... Турок все пытался поднять голову и не мог. Потом он завалился на спину. Готов... И душа не отлетела... А если и отлетела, то Алексей этого не заметил.

Вольноопределяющийся осмотрелся. Пока он глазел на свою жертву, его товарищи успели не только прикончить остальных солдат, но и связать чавуша. Тот мычал сквозь кляп, глаза у него были перепуганные. Голунов показал турку кинжал. Потом сказал вполголоса, успокаивая пленного:

– Кардаш[17 - Кардаш – брат (тур.).], хоп!

Унтер согласно кивнул. Его толкнули в спину. Четыре человека шагнули в черную ледяную воду. Река, как все здешние потоки, оказалась неширокой и мелкой. Вскоре разведчики с пленным уже оказались на нашем берегу. Русский

секрет догадался не стрелять, услышав негромкое «свои!».

Мокрый по пояс, усталый, Лыков шел последним. Вот и кончилась опасность. Они дома, среди русской армии, и они выполнили приказ. Даже с «языком» все получилось отменно. Калина Аггеевич и Вано сделали, как надо. Вчерашний гимназист был у них на подхвате... Ну и что? Для первого раза неплохо.

А еще он убил человека. Нельзя было не убить, пришлось. Куда денешься? Алексей шел и тупо, будто спросонья, удивлялся сам себе. Погубил живую душу и не чувствует совершенно раскаянья... Не жалко совсем этого долговязого турка? Не жалко. И не тошнит. А в книгах про войну пишут, что всех, кто впервые убил, выворачивает наизнанку. Ничего этого нижегородец не испытывал. Но что-то в нем все-таки переменялось. Что-то другое, чего раньше не было, поселилось внутри. Лыков подумал – и понял. Он ожесточился.

Когда разведка вернулась в лагерь, Алексей и Вано повалились без сил. А двужильный Калина Аггеевич вместе с поручиком Фокиным ушел на доклад к начальству. Его рапорт слушал сам генерал Оклобжио. Открытие сильных резервов на левом фланге противника было очень важным. Из-за него пришлось переделывать всю диспозицию боя. Три батареи 41-й бригады сосредоточили напротив Кандиди, чтобы поймать контратакующий низам в артиллерийскую ловушку. А главный удар перенесли с центра позиции на наш левый фланг, ближе к горам. Местность там трудная, проходима только для пехоты. Зато, сбив турецкие посты и ворвавшись на гребень Хуц-Убани, атакующие завернут к морю. И погонят противника вдоль по гребню и вниз, к Батуму. Резерв испугается окружения и драпанет первым, за ним кинутся и остальные. Высоты можно будет захватить без больших потерь, самой угрозой обхода.

Всего этого Алексей не знал. Проснувшись утром, он обнаружил, что его товарищи собираются в бой. Никто не дал разведке отдохнуть. Все охотничьи команды Рионского отряда были собраны на левом фланге – там, где два дня назад они с Голуновым переправлялись через реку. В одиннадцать часов до полудни шестьсот отчаянных людей бросились в атаку. Они мгновенно форсировали Ачкуа и взбежали на гребень. Турки не ожидали тут наступления и выставили лишь слабые заслоны. Одновременно по фронту открыла пальбу наша артиллерия, а пехота рассыпалась в цепи. Османы приготовились отбивать атаку и не подкрепили свой правый фланг. Но это была не атака, а только демонстрация. Цепи достигли реки и остановились, дальше не полезли. А вот со

стороны гор был нанесен быстрый и сильный удар. Охотники облическим[18 - Облический – обходной.] движением вышли во фланг туркам. И рассекли их позиции на всем протяжении, идя вдоль фронта. Те, кто сидел на прямом скате, готовясь оборонять переправы, оказался в окружении. Резервы с обратных скатов были отрезаны от пехоты в окопах. Полк низама высунулся было на равнину и тут же попал под страшный огонь наших батарей.

Штаб Дервиш-паши потерял управление боем. Зная его расположение, охотники направились прямо туда. Командный пункт пришлось срочно эвакуировать. Русские захватили штабной гелиограф, прислуга которого бежала. Кроме одного аскера. Он остался при аппарате и пытался его оборонять. Наши охотники – храбрые люди и умели ценить храбрость в других. Отважный турок был им симпатичен, его долго не хотели убивать, пытались взять живым. Но тот не сдавался. Когда он тяжело ранил одного из охотников, тут уж остальные рассвирепели и порубили смельчака в лапшу...

Лыков чудом выжил в этой бешеной атаке. Он в числе первых вбежал на гребень и сразу же застрелил из трофейной Пибоди бородатого турка. Дальше заряжаться было некогда, началась рукопашная схватка. Следующего османа вольноопределяющийся ударил в грудь штыком. Тот схватился за цевье. Алексей вспомнил урок инструктора и ногой оттолкнул жертву, успев выдернуть винтовку. Что было дальше, он не смог потом вспомнить... Куча-мала какая-то. Вокруг кричали и дрались, и оружием, и голыми руками. Вскоре Лыков остался без ружья и бился кинжалом. Его пытались душить, пробили бешмет на левом боку и сильно расцарапали ногу. Он вдруг с удивлением обнаружил, что ловок и силен. А еще удачлив. Когда пришлось перейти на кулаки, османы падали с первого удара. Один, совсем обезумевший, свалился, но потянул Лыкова за собой. А потом на земле пытался загрызть, будто собака. Едва оторвав его от своей шеи, Алексей задушил противника. Может, и не до смерти – некогда было разбираться, но тот посинел и обмяк. А нижегородец встал, подобрал Пибоди и побежал дальше. Он забыл про страх, озверел и искал лишь, кого еще убить...

На подступах к Зенити охотников встретил сильный заслон. Турки дрались мужественно. В перестрелке Лыков извел весь запас, – те два подсумка, что он снял с турка на мосту, – и штурмовал селение лишь с холодным оружием. Опять пошла рукопашная. В него трижды стреляли в упор и всякий раз промахивались. Он бежал, уворачивался, бил и резал – а сам ни о чем не думал. Всего один раз мелькнула мысль, что его как будто учат плавать, кинув сразу на глубокое место...

Новичок выжил. Он забрал патроны у мертвого и пошел дальше по гребню. Из тех, кто начинал атаку вместе с ним, не осталось почти никого. Охотники понесли самые большие потери в отряде. Когда они разрезали вражеский фронт повдоль, настоящего окружения не получилось. В окопах дрогнули не все. Слабые сдались, а сильные пошли на прорыв через гребень. Их оказалось много. Турецкий аскер вообще легко впадает в панику. Но он может быть и храбрым. Когда такие храбрецы собрались вместе, они легко прорвали жидкую цепь охотников. И ушли по обратным скатам за реку Кинтриши. В плен попали весьма немногие.

Тем не менее прорыв вдоль гребня решил исход боя. Войска Дервиш-паши отступили на юг, на Цихидзири. Уже через два часа русские полностью заняли Хуц-Убанские высоты.

Через день на Кинтришской поляне выстроились все свободные от караулов части отряда. Возле походной парусиновой церкви отслужили молебен. Тут же отпели погибших. После команды «накройсь!» было объявлено, что отряд переименован из Рионского в Кобулетский – в ознаменование заслуг войска. Действительно, после бегства с Хуц-Убани турки очистили затем все пространство до Цихисдзирской горной системы. В том числе в руки русских перешел городок Кобулет, иначе именуемый Чурук-Су.

Генерал-лейтенант Оклобжио вручил награды особо отличившимся. В числе прочих Калина Голунов получил знак отличия военного ордена четвертой степени – солдатский Георгий. Ведь именно его разведка выявила вражескую диспозицию, что позволило правильно распределить силы. Ване Джаверидзе, на правах кавказца, украсился медалью «За храбрость»[19 - Тогда эту награду вручали преимущественно кавказцам из иррегулярных частей.]. Лыкову не дали ничего.

Однако после взятия второй линии турецких укреплений ситуация для русских только ухудшилась. Муха-Эстаде и Хуц-Убани представляли собой плоские высоты по берегам горных рек. Они заканчивались на равнине, их можно было обойти по суше. Новые позиции противника были много сильнее. Они состояли из двух горных хребтов, обрывающихся в море. Над рекой Кинтриши высился кряж Самеба со Столовой горой. За ним протекала другая речка, Кинтыши, а за ней тянулся высоко вверх гребень Квирик. Все вместе это называлось Цихисдзири. Комбинация двух рек и двух хребтов, из которых второй господствовал над первым, делала позиции турок неприступными. Карт

местности у русских не было. Противник отступил с артиллерией и резервами. По слухам, он получил подкрепление из Анатолии.

Кобулетский отряд теперь располагался на обширной Кинтришской поляне, посреди Испанских болот с их малярийными испарениями. Противник с высот контролировал местность. Пришлось рыть окопы и блиндажи. Охотничьей команде левого фланга повезло больше других. Поручик Фокин поставил свои палатки недалеко от селения Верхние Кобулеты. Здесь болот не было, а лес давал укрытие от вражеского огня. На несколько недель установилось относительное спокойствие. Обе стороны копили силы и готовились к новым боям. Воевала, и очень активно, только пешая разведка. В одной из стычек Голунов спас своему ученику жизнь. Они нарвались на парный пикет лазов-башибузуков. Туземец успел выстрелить первым. Пуля чиркнула Алексея по голове, и он упал без сознания. Когда очнулся и с трудом поднялся, увидел, как ефрейтор в одиночку бьется с двумя противниками. Дела лазов оказались плохи: одного Калина убил, а второго взял в плен. Нижегородец поблагодарил командира, но тот лишь отмахнулся...

Лыков освоился в отряде. Атака 29 апреля унесла много жизней. Пришли новички из резерва, и среди них девятнадцатилетний парень выглядел опытным охотником. Почти каждую ночь он уходил за Кинтриши. К середине мая на счету Алексея уже было пять «языков» и еще несколько диверсионных рейдов. Как-то раз они с Ваню вырезали пикет из трех кобулетцев. Потом оказалось, что среди них находился сам Али-паша Тавдгиридзе, брат владельца Нижнего Кобулета Осман-паши. Лыкову достался богато отделанный кинжал работы самого Уллу Базалая. В пару к нему шел двенадцатизарядный карабин Винчестера, каким у турок была вооружена сувари[20 - Сувари – регулярная кавалерия.]. Помимо трофеев вольнопёр заслужил также ненависть туземцев. Осман-паша объявил убийц брата своими кровниками и пообещал награду за их головы. Фокин приказал Алексею несколько дней отдохнуть.

Но прежде того магазинка помогла вольноопределяющемуся получить награду. У впадения Кинтыши в Кинтриши образовалась ничейная земля. Горы здесь кончались, и на узкой полосе равнины сходились в поединках удальцы с обеих сторон. Армии наблюдали эти поединки, переживая за своих. Но однажды наш казак выехал на бой, а на него напали сразу пятеро черкесов. Они убили станичника и отрезали ему голову. Осерчал весь Кобулетский отряд, а вызов принял именно Лыков. Он взял у казаков на время лошадь, привычную к выстрелам. Поупражнялся день. И выехал на ничейную землю, спрятав

винчестер в чехле.

Нижегородец намеренно рисовался. Он скакал юргой – особым кавказским аллюром. Юрга – нечто среднее между шагом и рысью. Ее выработали на Востоке для неспешных поездок, чтобы себя показать и других посмотреть. Встав на середине ничейной полосы, Алексей бросил поводья, сел по-чеченски[21 - Сидеть в седле по-чеченски – сидеть боком, положив согнутую ногу на луку седла.] и достал газетку. Вид у него был вызывательный.

Головорезы не заставили себя долго ждать и явились за легкой добычей. Многозарядной винтовки они не ожидали и были безжалостно расстреляны. Винчестер делает пятнадцать выстрелов за сорок пять секунд... Не спасся никто. Назавтра Оклобжио вручил вольноопределяющемуся Георгиевский крест. А Лыков навлек на себя ненависть еще и черкесов. На всякий случай он был на время отставлен от поисков.

Непрошенный отпуск Алексей проводил в палатке начальника команды. Сюда же прибился и кобель по кличке Мухтарка. Дервишка погиб от шрапнели еще при атаке Муха-Эстаде, и остался только Мухтар. Ночью он помогал секретам караулить реку и получал за это довольствие. А днем лежал у входа в палатку и рычал на незнакомых.

Палатка у главного охотника была турецкая, конусообразная. Она много удобнее русской: в ней почти везде можно стоять в полный рост, в то время как в нашей – лишь возле опорного столба. Фокин ежедневно принимал у себя двух гостей. Одним был поручик Колюбакин из Первого Кавказского стрелкового батальона. Вторым – бывший командир Лыкова поручик Агафонов. Он сдал свою полуроту и был назначен полковым адъютантом александропольцев. Все три поручика готовились после войны поступать в Академию Генерального штаба. Всех троих отличали самостоятельность суждений и большой кругозор.

Лыков, хоть и считался рядовым, присутствовал на беседах приятелей. Как потомственному дворянину, офицеры подавали ему руку. За душистым ананасным коньяком, еще одним трофеем охотников, проходили серьезные

разговоры. Слушая их, нижегородец узнал много интересного и на многое стал глядеть иначе.

Наибольший скептицизм проявлял Фокин. Стройный, подтянутый, он всегда носил тонкую дачковую черкеску и серый архалук. На серебряных погонах – малиновый пластунский просвет. Незнакомец заподозрил бы в нем ряженого, так не вязалось с горским костюмом его интеллигентное лицо. Наружность поручика была обманчивой. Фокин держал себя в бою с ледяной храбростью, удивлявшей даже старых кавказцев. Свою команду он никогда не цукал. Однако сотня отчаянных, никого не боявшихся людей выполняла его приказы бегом.

Однажды Фокин заявил:

– Чего мы уперлись в эти горы? Нам никогда их не взять, только людей положим. А главное, и незачем их вообще захватывать!

– Как это?! А Батум? Оттяпаем Цихидзирскую позицию, и Батум наш! – оппонировал не без иронии Колюбакин.

– А зачем он вам, Борис Михайлович? Господство на море все равно у турок. Что нам даст захват Батума?

– Ну... они не смогут снабжать через него свой корпус!

– Да, морем не смогут. Будут снабжать сушей.

– Хорошо, но мы решаем и другие задачи, – не успокаивался стрелок, хотя по нему было видно, что он согласен с охотником. – Например, отвлекаем на себя силы противника. Чтобы он не мог использовать их на главном театре, в Ахалцыхе.

Тут Лыков поежился, и Агафонов сразу же спросил его:

– Наш молодой слушатель с чем-то не согласен?

– Нет, что вы! – ответил тот. – Я только подумал, что этим и вызвано раздражение поручика Фокина. Тем, что мы сидим на второстепенном участке

войны. Здесь комары, дикие джигиты, скудное снабжение и мало дают наград. А судьба Кавказа решается за Аджаро-Саганлукским хребтом.

– Вы отчасти правы, Алексей Николаевич, – согласился Фокин, впервые назвав вольноопределяющегося по имени и отчеству. Отчего тот сразу же загордился... – Жаль торчать в этой дыре, в стороне от больших дел. Телеграфисты сообщили: вчера нами взят Ардаган. Войска Эриванского отряда подошли к Карсу. А мы? Воюем здесь два месяца и продвинулись вперед на пятнадцать верст. Потеряв только убитыми тысячу человек. Глупая война, никому не нужная!

– Почему же ненужная? – возразил Агафонов. – Не будь нас здесь, турки высадились бы около Поти и перерезали Поти-Тифлисскую железную дорогу. А оттуда прямой путь через Сурамский перевал сразу на Тифлис, в тыл нашей армии.

– Подождите, они еще высадятся, – желчно ответил охотник. – Накаркаете, не дай бог! Вы все, господа, неверно меня понимаете. Я не против войны в этих жутких местах. Я против наступательной войны!

Все сразу затихли. И не потому, что в словах поручика была критика действий начальства. В этой палатке не боялись чужих ушей и любили думать самостоятельно. Однако мысль охотника была в высокой степени разумной. И было очень странно, что ее не разделяют генералы...

– Поясню свой тезис, – продолжил Фокин. – Чтобы защитить русское побережье от десанта[22 - Устаревшее написание.], не надо атаковать турок в горах! Гораздо умнее вызвать их атаку на себя. Обороняться в этой местности намного проще. Меньше будет людских потерь. Весь театр войны Кобулетского отряда по размерам подобен волости. Даже не уезду, господа, а волости. Лазистанский санджак[23 - Лазистанский санджак – другое название Турецкой Грузии. В него входила и Аджария.] – это прямоугольник размером примерно сорок пять на тридцать верст. А мы положили тут уже столько жизней! За ради чего?

– План предусматривал в том числе и оборону, – подал голос Колюбакин. – За нашими спинами целых пять оборонительных позиций! Высоты Эскадио перед Озургетами, линия обороны на Гуриамтском хребте, затем на Чахатурском хребте, следующая на Саджавахской ветви, и последняя по течению реки Рион.

Эта позиция самая мощная, а с фланга она обеспечивается Потийскими укреплениями.

– Вот там и надо было оставить отряд! – в один голос крикнули Агафонов и Фокин.

– Господа! – воскликнул стрелок. – Вы отказываете нашему генералу в военной жилке. Но он же солдат! Настоящий, проверенный в боях. И, как каждый солдат, он хочет внести свой вклад в победу. Это свойство любого военного человека: желать, чтобы его участие было как можно более весомым!

– Эх, Борис Михайлович, – вздохнул Агафонов. – Вашими бы устами да кизлярку пить... Я тут по должности полкового адъютанта стал меньше бывать в окопах и больше в штабах. И скажу вам одно: в окопах-то лучше. И люди там чище. А штабы хотят орденов и чинов. Как так: их товарищи взяли Ардаган! Надобно и им что-нибудь отхватить!

– Я как раз об этом, – подтвердил Фокин. – В штабе Оклобжио четыре генерала на семнадцать тысяч штыков. Все рвутся в бой. От меня требуют знаете чего? Не поверите! Чтобы я занизил в своих отчетах численность противника!

– Не может быть!

– Увы, господа. Именно так. Я считаю на Цихидзири двадцать тысяч противника, и еще десять на Ципнарских и Кахаберских высотах.

Тут Агафонов повернулся к Алексею и пояснил:

– Это две укрепленные позиции турок на пути к Батуму.

– Простите, Иван Сергеевич, – сказал Лыков. – Я вижу отсюда два гребня системы Цихисдзири: Самеба и Квирике. За ними что, еще два укрепленных рубежа?!

– Даже три. Если верить владельцу Аджарии Шериф-бею. Ваш начальник забыл упомянуть Каялыкскую позицию, которая обрывается прямо в море.

– И... как же мы все их возьмем? – осмелился спросить вольноопределяющийся. – Это же горы. Там черт в свайку играл!

В палатке повисло тягостное молчание. Потом Фокин нехотя пояснил:

– Взять все три позиции невозможно.

– Зачем тогда штурмовать Цихисдзири? Я же вижу, что готовится атака. Ну, положим мы половину отряда и захватим Самеба. Может, даже Квирике оттяпаем сгоряча. А что потом?

– Не знаю, – раздраженно ответил поручик. – Потом нас всех похоронят.

– Валентин Осипович, ты сказал, что оцениваешь силы турок на всех оборонительных рубежах в тридцать тысяч человек. Верно я тебя понял? – вернулся к старой теме Колюбакин.

– Да, – подтвердил Фокин. – Без туземной милиции! Оценка приблизительная. Чтобы уточнить цифры, надо делать глубокую разведку. Я ее как раз обдумываю.

И многозначительно посмотрел на Лыкова. Тот насторожился, но промолчал.

– Глубокая – это как понимать? – спросил Агафонов.

– Ну, почти до Батума. Как минимум до мыса Каялык.

– Ага... Сам пойдешь?

– Вот еще Алексея Николаевича возьму и Голунова с Джаверидзе. Лучшие мои люди.

– Но зачем ты? Пусть сходят без тебя! – резко заявил Колюбакин. Однако начальник охотничьей команды осадил его:

– Ты бы хоть Лыкова постеснялся! Он должен идти на смерть, а я нет?

– Ты командир.

– Именно поэтому и пойду. Люди, которых я назвал, и так через день лезят в тыл к османам. А я руковожу ими отсюда... Но поиск, который необходим, особенный. Он должен осветить глубокий тыл противника. И без офицера охотники не поймут обстановки. Это не пушки на батарее пересчитать! Требуется разведать военный потенциал всего Батумского корпуса. Тылы, обеспечение, состояние дорог, регулярные и милиционные резервы, план обороны, настроение войска... Увидеть все это, проанализировать – и вернуться. Вернуться для того, чтобы отговорить Оклобжио от штурма. И спасти тем тысячи жизней. Теперь понял? Только после такого поиска у меня на руках будут факты. Ради этого стоит и рискнуть собой.

– Тридцать тысяч противника! – воскликнул нижегородец. – И сидят на горах. Как мы с семнадцатью тысячами собираемся атаковать их из долины?

– В том все и дело, – терпеливо пояснил Фокин. – Генерал Засс, например, считает, что я преувеличиваю и что турок там вдвое меньше!

– Сходил бы он сам в поиск! Готов провести его ночью за Кинтриши. Пусть посчитает!

– Эх, Алексей Николаевич... У вас на погонах пока нет и одного басона. У нас же троих хоть и звездочки, но с обер-офицерскими просветами. И наше мнение обычно не спрашивают, когда готовят операцию. Я неделю отстаивал перед Иваном Дмитриевичем[24 - Оклобжио.] необходимость глубокой разведки. Сегодня утром доказал. Так что начинайте готовиться. А турок перед нами действительно очень много. Плюсуйте к ним милицию, и превосходство станет подавляющим.

– Девять тысяч кобулетцев? – скривился Колюбакин. – После того как мы взяли Хуц-Убани, они дезертировали и разошлись по домам. Можешь их вычесть.

Фокин молча полез за своими записями, развернул и показал оппоненту:

– Вот! Тысячу человек собрал Осман-паша Тавдгиридзе, кровник нашего уважаемого вольноопределяющегося Лыкова...

Поручики дружно усмехнулись.

– К ним надо добавить восемьсот чаквцев, столько же мацахальцев, двести пятьдесят черкесов из поселка Цихидзири, почти тысячу лазов Елин-бея Хаджи-оглы. Итого четыре тысячи храбрых людей, каждый из которых отличный боец. А теперь плюсуем те девять тысяч верхних кобулетцев, которые якобы разошлись по домам. Сколько получаем? Тринадцать тысяч одних лишь туземцев! Не намного меньше, чем весь наш отряд.

– Откуда такие данные? – помрачнел Колюбакин.

– Голунов позавчера притащил сумку убитого интенданта. Там лежали сведения по количеству рационов для милиции. Так что цифры верны. А сам турецкий корпус? Среди нашего генералитета принято считать гололобых[25 - Гололобые – так именовали турок в то время.] слабым противником. Мы-де всегда их били, будем бить и дальше...

– А разве не так? – опять полез в спор поручик стрелкового батальона.

– Борис Михайлович изволит шутить, – мрачно ответил командир охотников. – Он и сам прекрасно знает, что турки стали сильнее. Много сильнее!

Колюбакин вздохнул:

– Увы, знаю... С появлением казнозарядных винтовок. А магазинное оружие вообще произведет переворот в военном деле. Турки хорошо окапываются, стойко обороняются и не жалеют патронов. А наши генералы действительно мыслят устаревшими категориями. Раньше противник успевал сделать один залп. Кавказские полки привыкли к подобной тактике. Они встречали этот залп грудью, смело. Кто оставался жив, бежал вперед и брал врага на штык. Это всегда срабатывало. Теперь иначе! Революция в артиллерии и в стрелковом вооружении все переменяла. Австро-прусская и франко-прусская войны дали тому подтверждение. Многозарядные винтовки из земляных укреплений сделают бессмысленной любую атаку. Потому мы и не можем взять Плевну! Обычный городок, но окруженный окопами. И в них храбрые турки с магазинками. А тут? Горы в четыре ряда. А на горах редуты. Как их брать? А главное, зачем? Так что, Валентин Осипович, дай тебе бог успеха. Иначе все тут останемся. Я, конечно, военный человек. Надо будет умереть – умру. Но если уж

помирать, так с пользой. А без пользы страшно...

Офицеры переглянулись и быстро разошлись. Охотники стали готовиться к глубокой разведке. Так далеко в тыл противника они еще не заходили. Требовался проводник из местных. И такой проводник нашелся.

В лагерь пластунов явился кобулетец Угоричидзе. Он был перебежчиком. Туземец рассказывал, что имеет дом на ручье Дегва между Цихидзирской и Ципнарской позициями. В самом сердце турецкой обороны! Угоричидзе брался привести разведчиков туда, укрыть их на пару дней и помочь в сборе сведений. У него будто бы имелось много родственников, готовых за деньги послужить русским. Слова перебежчика звучали правдоподобно. Золото и не такие чудеса творит! Кобулетец предложил поручику Фокину взять тысячу золотых и довериться ему.

Проводник не понравился охотникам. Неприятный напыщенный человек с бегающим взглядом... Как положиться на такого? Но Угоричидзе называл поручика Фокина своим кунаком и всячески лез ему в душу. И Валентин Осипович почему-то терпел туземца – в соответствии с традициями старых кавказских полков. Там куначество с немирными горцами было в порядке вещей. Кунак отвечает за своего гостя головой, а за самого горца отвечает весь его род. Случаи предательства исключительно редки. Опозорить фамилию желающих немного. И поручик доверился кобулетцу.

Кунак объявил, что у него готов проход на турецкую территорию. В версте выше моста через Кинтриши, напротив правого фланга позиции Самеба, есть узкая расщелина. Русские никогда ею не пользовались – далеко. А место очень удобное. Расщелина пронзает скалы насквозь, потом переходит в длинный овраг. Тот огибает высоты и упирается в Кинтыши. Можно миновать сторожевку[26 - Сторожевка – линия сторожевых постов.], не выбираясь наверх! Овраг зарос колючкой, туда не суются даже лисы. Турки тоже не ползут. Трудно, зато очень ловко!

Фокин подумал, покопался в кроках Шериф-бея и согласился. А Голунов молча выслушал и куда-то ушел. Вечером Алексей поймал его и спросил:

– Мы что, так и полезем к черту в пасть?

– Неохота? – осклабился ефрейтор.

– Да ведь нельзя верить этому человеку!

– А поручик Фокин верит, – ответил Калина Аггеевич.

– Надо что-то делать. Иначе все пропадем!

– Не бойсь, вольнопёр! Все уже придумано.

– Кем? И что? – попытался выяснить Алексей. Но Голунов отшутился и стал собираться в разведку.

Вечером пять человек вышли из лагеря и двинулись вверх по реке. Лыков с Голуновым сняли кресты и отдали в штаб. Но на «газах»[27 - «Газы» – газыри (разг.).]у них были нашиты Георгиевские ленты, их охотники оставили. В случае неудачи за такое отличие с них с живых сдерут кожу. Но сдаваться смельчаки не собирались, а мертвому все равно...

Быстро темнело. Вот остался позади мост. Неожиданно, не доходя до расщелины, Калина резко развернулся. И ударил шедшего сзади туземца кинжалом в сердце. Тот успел взяться за шашку, но Вано сзади схватил его под локти и держал, пока кобулетец не умер.

Фокин беззвучно вскрикнул, Алексей тоже опешил.

– Что это значит? – шепотом спросил поручик.

– Это значит, ваше благородие, что Угоричидзе вел нас в засаду, – ответил Голунов.

– Почему ты так решил?

– Мы с Вано вчера проверили ту расщелину. Зашли сзади и послушали. Там сидят двадцать джигитов, нас ждут!

– Вано, это так? – повернулся Фокин к гурийцу.

– Так, твое благородные. Подлый челавэк твой кунак. Вел нас прямо на кынжалы!

Охотники отошли подальше от реки, и Голунов с Джаверидзе подробно все объяснили. Перебежчик слишком пожадничал. Он решил разбогатеть одним махом: завести в засаду кровника Осман-паши и заработать награду за его голову. Оружие, найденное на Лыкове, подтвердило бы его вину. Одновременно хитрый кобулонец получил бы вторую награду – за офицера. А тысячу золотых пятерок он намеревался разделить с родственниками, которые сидели над расщелиной и ждали добычи. Но Угоричидзе не учел характера Калины Аггеевича. Бывший казак печенкой чувствовал опасность и не верил перебежчикам. Они с товарищем обошли место перехода с другой стороны. И наткнулись на коноводов с двадцатью лошадьми. Все сразу стало ясно.

Пластуны перешли реку уже в темноте, намного выше засады. Здесь Цихисдзирская горная система отбрасывала к северу и северо-западу два отрога: Самеба и Квирике. Сама она шла далее до самого моря, куда и падала скалистыми обрывами. Долина в форме треугольника, затаившаяся между отрогами, очень интересовала Фокина. Это было идеальное место для сосредоточения ближних резервов. Спускаться в нее ночью было слишком опасно, и разведчики спрятались в соснах. За час до рассвета они двинулись вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Воинская повинность начиналась с 21 года, но в вольноопределяющиеся брали с 17 лет. (Здесь и далее примеч. автора.)

2

Лампасная пехота – пластуны, пешие казачьи части.

3

Картузники – уничижительное прозвище линейной пехоты.

4

Редиф – турецкие запасные части.

5

Полковой командир князь Абашидзе.

6

Гора Чохата.

7

Натурный – настоящий, твердый.

8

Четверть обозы – запрягать повозки двойной упряжью.

9

Штабок – презрительное прозвище «штабных крыс» в войсках.

10

Формально пластуны – это пешие батальоны Кубанского казачьего войска, обученные выполнению разведывательных задач. Но на Кавказе пластунами часто называли любые подразделения пешей разведки.

11

Чакура – часть гурийского национального костюма, разновидность черкески.

12

Табор – пехотный батальон; талиа – стрелковая рота в линейных частях турецкой пехоты.

13

Ода – отряд башибузуков.

14

Башчавуш – старший капрал.

15

Спать по-заячьи – вполуха, настороже.

16

Наносной окоп – не вырытый в земле, а сложенный поверх нее из камней и бревен. Применялся в горах, где тонкий слой почвы.

17

Кардаш – брат (тур.).

18

Облический – обходной.

19

Тогда эту награду вручали преимущественно кавказцам из иррегулярных частей.

20

Сувари – регулярная кавалерия.

21

Сидеть в седле по-чеченски – сидеть боком, положив согнутую ногу на луку седла.

22

Устаревшее написание.

23

Лазистанский санджак – другое название Турецкой Грузии. В него входила и Аджария.

24

Окlobжио.

25

Гололобые – так именовали турок в то время.

26

Сторожевка – линия сторожевых постов.

27

«Газы» – газыри (разг.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nikolay-svechin/udar-v-serdce-sbornik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)